

831-14
1041

2007466855

Архимандрита Николая.

АРХИЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ ЯПОНСКІЙ.

Воспоминанія и характеристика ¹⁾.

I.

Тяжесть утраты и трудность оценки деятельности архиепископа Николая.

Въ лицѣ почившаго высокопреосвященнаго Николая, архиепископа Японскаго, Россія понесла тяжелую, скорбную, невознаградимую утрату, и чѣмъ больниe вдумывавшися въ личность покойнаго и чѣмъ болыне анализируешь его дѣятельность, чѣмъ больниe сознаешь, что потеря эта въ бушевальномъ смыслѣ слова незамѣнимая. Умеръ крупнѣйший русскій государственный дѣятель, который въ теченіе 50-ти лѣтъ, никакъ не побуждаемый, но одному только собственному стремленію, по одной личной инициативѣ являлся проводникомъ неотдѣлимыхъ отъ Россіи православныхъ началь и посѣлъ долгихъ испытаній и трудовъ стяжать, наконецъ, офиціальное признаніе даже со стороны бывшихъ нашихъ враговъ величія своей работы. Россія будетъ всегда гордиться именемъ архиепископа Николая Касаткина, но найти ли она кѣмъ замѣнить его, это остается вопросомъ.

¹⁾ Настоящий очеркъ представляетъ собою сподѣлъ двухъ рѣчей, произнесенныхъ авторомъ 26 и 29 февраля въ засѣданіяхъ Русско-Японскаго Общества и Императорскаго Общества Востоковѣдцій въ память почившаго архиепископа Николая, состоявшаго почетнымъ членомъ этихъ обществъ.

Умеръ вѣрный сынъ православной Церкви, трудившійся неуклонно подвигомъ добрымъ и отдавшій апостольскому служенію всего себя безъ остатка. Ни отдаленность разстоянія, ни чуждость условий, ни ино-племенность народа, среди котораго онъ жилъ, ни страхъ смерти, ни гоненія и пополненія во всѣхъ формахъ, начиная отъ грубыхъ угрозъ и кончая самыми уточченными, выработанными культурой, злоздѣйствательствами, не могли ни поколебать его, ни чѣмъ больниe заставить отказаться отъ осуществленія предпринятаго дѣла.

Умеръ тотъ, кто являлся для 115 миллионной массы православнаго русскаго населения воплощеніемъ святого христіанскаго идеала апостола, чьи обращенія къ единовѣрцамъ заставляли людей жертвовать на то, о чѣмъ онъ ихъ просилъ, изъ-за одной только вѣры въ этого человека, изъ-за одного только святого сознанія, что послѣдняя копейка, переданная архиепископу Николаю на дѣло, имъ осуществляемое, будетъ такъ же свята, какъ лента свангельской вдовицы. Вмѣстѣ съ нами въ лицѣ почившаго японской Церкви утратила своего отца, родоначальника, учителя и руководителя. Кѣмъ же можно замѣнить и чѣмъ можно вознаградить для Церкви и православія такую утрату?

Въ силу такого необычнаго масштаба дѣятельности покойнаго архиепископа Николая говорить и писать о немъ предста-

вляется также дѣломъ очень сложнымъ. Говорить о томъ, кто является, по отзывамъ знающихъ Дальній Востокъ современниковъ, величайшюю фигурую въ миссионерской исторіи Японіи; обѣ апостолѣ, оставившемъ послѣ себя до 200 церковныхъ общинъ и свыше 30.000 христіанъ; о переводчикѣ богослужебныхъ книгъ, передавшемъ Японіи почти всю Біблію, почти всѣ богослужебныя православныя книги, цѣлую богословскую литературу; о педагогѣ, основавшемъ нѣсколько школъ, изъ которыхъ вышли сотни японцевъ, проникнутыхъ православнымъ духомъ; обѣ ученомъ, овладѣвшемъ японскимъ языккомъ, про который первые католические миссионеры писали, что онъ такъ труденъ, что представляется изобрѣтеннымъ самимъ дьяволомъ сть цѣлью оградить Японію отъ христіанскихъ миссионеровъ, а величайший изъ ученыхъ японологовъ Б. Х. Чэмбэрленъ сказалъ, что «японский языкъ, если взять его весь въ совокупности, является труднѣйшимъ языккомъ на земномъ шарѣ и что ни одинъ взрослый европеецъ никогда не можетъ надѣяться овладѣть имъ въ совершенствѣ во всѣхъ его развиленіяхъ, какъ скажемъ, онъ можетъ надѣяться овладѣть языками нѣмецкимъ или испанскимъ»; говорить о томъ, кто въ однѣмъ историческомъ очеркѣ, написанномъ на основаніи почти никому доселѣ неизвѣстныхъ въ Россіи японскихъ исторій: Даи Нихонсі, Кокусиряку, Иси и Нихонгансі еще въ 1869 г., далъ ключъ къ уразумѣнію современной японской исторіи; о томъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ апостольскую работу въ адскихъ условіяхъ ежесекундной клеветы, гоненій, подозрительности, о человѣкѣ, каждая сторона работы которого дасть послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ, говорить о такомъ титанѣ—задача не легкая. Не легка она предъ величіемъ фигуры архіепископа Николая, предъ разносторонностью его дѣятельности, предъ богатствомъ его натуры, предъ непреклонностью его воли и передъ тѣмъ-то такимъ, что не

поддавалось оцѣнкѣ наблюдателя. Въ немъ, въ его словахъ, дѣйствіяхъ, сужденіяхъ, идеалахъ, инструкціяхъ и советахъ чувствовалось что-то необыкновенное, его проникало то, что онъ таилъ въ себѣ не для земныхъ цѣлей. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ, человѣкъ какъ всѣ люди.

Читая теперь тѣ многочисленные отзывы, которые даетъ обѣ архіепископъ Николай пресса всего міра, я долженъ сказать, что они меня какъ-то не удовлетворяютъ. Онъ былъ аскетомъ—это правда, онъ былъ добрымъ, отзывчивымъ, любезнымъ, какъ о немъ пишутъ,—все это правда, но въ этихъ чертахъ, какъ и во всѣхъ отзывахъ обѣ архіепископъ Николай, еще далеко не вся его натура. Вмѣстѣ съ мягкостью, онъ былъ желѣзнымъ человѣкомъ, не знавшимъ никакихъ препятствій, практическимъ умомъ и администраторомъ, умѣвшимъ находить выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. Вмѣстѣ съ любезностью, въ немъ была способность быть ледянымъ, непреклоннымъ и рѣзкимъ сть людьми, которыхъ онъ находилъ нужнымъ воспитывать мѣрами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вмѣстѣ съ общительностью, въ немъ была очень большая, долгимъ опытомъ и горькими испытаніями приобрѣтенная сдержанность, и нужно было много времени и усилий, чтобы заслужить его довѣріе и откровенность. На руку съ какою-то дѣтской наивностью веселаго собесѣдника, въ немъ была широта идеаловъ крупного государственного ума, безконечная любовь къ родинѣ, страданіе ся страданіями и мученіе ея мученіями.

Вотъ этихъ-то именно сторонъ характера преосвященнаго Николая я не нахожу въ отзывахъ о немъ, а безъ наличности этихъ качествъ онъ, несомнѣнно, не могъ совершилъ и того великаго дѣла, которое онъ оставилъ послѣ себя въ наслѣдіе. Широкіе и святые идеалы, желѣзная воля и неистощимое трудолюбіе—вотъ сущность архіепископа Николая.

Пытаться въ настоящее время дать долж-

ную оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Николая было бы нараспако и недосыгаемо попыткой. Можно сказать безъ преувеличенія, что каждая сторона работы покойнаго владыки дастъ послѣдующимъ изслѣдователямъ матеріалы для цѣлыхъ томовъ. «Історія распространенія православія въ Японіи», «Борьба православія съ буддизмомъ и синтоизмомъ», «Японскій переводъ Бібліи», «Японская версія круга православнаго богослуженія», «Японскій православно-богословскій словарь—въ его отношеніи къ буддийской и синтоистской терминологии», «Воспитаніе православныхъ японцевъ», «Роль православныхъ японцевъ въ перенесеніи на японскую почву русской богословской, беллетристической и исторической литературы» и т. д. Вотъ заглавія цѣлаго ряда послѣдующихъ научныхъ работъ, которыя совершиенно легко приходятъ на умъ при самомъ поверхностномъзнакомствѣ съ дѣятельностью покойнаго архіепископа и всѣ эти сочиненія, когда они будутъ написаны, исходнымъ своимъ пунктомъ будуть имѣть именно работу архіепископа Николая, его идеи, его знанія японскаго языка и Японіи. Десятки лицъ будутъ со временемъ трудиться надъ wyjaясненіемъ того, что сдѣлано однимъ почившимъ архіепископомъ, и пройдетъ много лѣтъ еще раньше, нежели его личность представится намъ во всей своей полнотѣ. Трудность въ этомъ случаѣ несомнѣнно заключается прежде всего въ томъ, что вся жизнь преосвященнаго Николая прошла въ Японіи, и вся почти его работа изложена на японскомъ языкѣ. Необходимо поэтому прежде всего, чтобы ею занялись японологи, но и одного знанія японскаго языка въ этомъ случаѣ недостаточно. Для оцѣнки, скажемъ, дѣятельности архіепископа Николая, какъ переводчика, необходимо, чтобы его критикъ былъ самъ человѣкомъ богословскаго образованія. Для анализа и правильнаго пониманія проповѣднической и административной работы владыки по организации Церкви нужно, чтобы изслѣдователь

зналъ исторію современной Японіи. Дляясненія постепенаго перехода православныхъ общинъ съ сѣвера на югъ Японіи, отъ писателя потребуются большія знанія по этнографіи Японіи и т. д. Вотъ почему мы можемъ совершенно увѣренno сказать, что въ данный моментъ нѣть ни одного человѣка изъ русскихъ, кто былъ бы въ состояніи, безъ большой предварительной подготовки, представить надлежаній очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго, а тѣмъ болѣе дать его подробную біографію съ полнымъ wyjaясненіемъ его трудовъ по распространенію Церкви.

II.

Пребываніе архіепископа Николая въ Хакодатѣ¹⁾.

Для настъ, знающихъ теперь реформированную Японію, въ высшей степени интересными представляются отзывы архіепископа Николая о его жизни и работѣ въ первые годы пребыванія въ Японіи. Тѣлько въ Хакодатѣ съ самыми горячими идеями миссионерской работы. «Тогда я былъ молодъ, говорилъ онъ позднѣе, и не лишенъ воображенія, которое рисовало мнѣ толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затѣмъ и послѣдователей слова Божія, разъ это послѣднее раздастся въ японской странѣ. Каково же было мое разочарованіе, когда я, по прибытии въ Японію, встрѣтилъ со

¹⁾ Архіепископъ Николай, въ міре Иванъ Димитровичъ Басаткинъ, родился 1 августа 1836 г., образование получилъ въ духовномъ училищѣ и въ Смоленской духовной семинаріи. Студентомъ С.-Петербургской духовной академіи онъ принялъ въ 1860 году предложеніе Святѣйшаго Сѵнода занять място священника при Хакодатѣскомъ консулѣтѣ съ миссионерской цѣлью. Былъ посвященъ въ санъ іеромонаха 30 июня 1860 г. и немедленно же выѣхалъ въ Японію, куда прибылъ 2 июня 1861 г. За все это время онъ былъ въ Россіи только два раза: въ первый разъ въ 1869 году съ ходатайствомъ предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ обѣ учрежденіи въ Японіи православной миссіи, во второй—въ 1880 году, когда онъ былъ вызванъ въ Россію для расположения во епископа. Съ тѣхъ поръ до дня кончины, 3 февраля 1912 года, онъ родины не видѣлъ.

вершено противоположное тому, о чём мечталъ. Тогдаине японцы смотрѣли на иностранцевъ какъ на зѣбрей, а на христиан—какъ на злодѣйскую sectу, къ которой могутъ принадлежать только отъявленные злодѣи и чародѣи».

О какой бы то ни было открытой проповѣди при этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи, да и трудно было думать о ней безъ знанія языка. Разсказывая объ этомъ періодѣ пребыванія въ Ипоніи, покойный архіепископъ всегда съ глубокою благодарностью вспоминалъ о тогдашнемъ Хакодатскомъ консулѣ І. Гончевичѣ, «ионерѣ русской японологии и авторѣ первого японорусского словаря. Съ нимъ близко сошелся тогда еще іеромонахъ Николай, и, одинаково интересуясь изученіемъ японского языка, они имѣли много общихъ темъ для разговоровъ.

Въ этотъ періодѣ архіепископъ впервые познакомился съ японцами, началъ присматриваться къ нимъ и оцѣнивать ихъ пригодность для христіанства и особенно для миссіонерской дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы первыя наблюденія его были очень въ пользу японцевъ. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ къ митрополиту С.-Петербургскому Исидору:

«4 года спустя по прибытии моемъ сюда, Богъ послалъ мнѣ одного человека. Спустя годъ онъ нашелъ себѣ товарища, а еще въ продолженіе года они нашли себѣ и третьяго собрата. Изъ этихъ людей и подобныхъ имъ я листился когда-то образовать настоящихъ миссіонеровъ: увы, надежды мои давно разлетѣлись въ прахъ! Они, правда, умны, образованы въ японскомъ смыслѣ, высоконравственны и готовы жертвовать собою для успѣха принятой ими вѣры, обнаруживаютъ отличное умѣніе пользоваться тѣмыми знаніями, которыми ими дѣйствительно усвоены, проявляютъ рѣдкое одушевленіе въ рѣчи, замѣчательное краснорѣчіе, но у всѣхъ у нихъ, одни и тѣ же недостатки: отсутствие всякаго навыка къ

систематическому построенію своихъ знаній и недостатокъ памяти. Да и можетъ ли быть иначе, когда фундаментальное образованіе японца состоитъ въ безсмысленномъ заучиваніи китайскихъ знаковъ по Конфуцию и въ чтеніи разныхъ пустыхъ книжекъ безъ связи и направленія. Словомъ, опять убѣдилъ меня, что на миссіонеровъ изъ японцевъ надѣяться нечего: когда появится на японскомъ языкѣ полная богословская литература, тогда, съ нею за плечами, японецъ можетъ идти на проповѣдь, но до этого еще далеко. Теперь же японцы могутъ быть полезны только какъ катехизаторы подъ непосредственнымъ руководствомъ дѣйствительного миссіонера» («Хр. Чт.» 1869 г. I, стр. 250—252).

Въ разговорахъ съ архіепископомъ я обращалъ его вниманіе на этотъ прежній отрицательный отзывъ объ японцахъ. Онъ говорилъ, что, въ сущности, недостатокъ логического мышленія замѣщается въ японцахъ въ массѣ и теперь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ признать, что введенная въ годы правленія Мэйзи (т. е. вышняго императора) система народнаго образования во многомъ реформировала японскую голову. Въ тѣ времена, когда онъ давалъ этотъ отзывъ, японцы учились совершенно по китайской системѣ, не имѣвшей ни послѣдовательности, ни логики. Въ послѣдующія десятилѣтія въ Ипоніи въ этомъ отношеніи произошла удивительная перемѣна. И такъ, какъ думаютъ и пишутъ теперь молодые японцы, старики думать и писать не умѣли.

Въ бытность въ Хакодатѣ же архіепископу пришлось впервые примѣнять и свой практическій такъ въ приспособленіи къ существующимъ обстоятельствамъ и условиямъ жизни, основываемой имъ Церкви. Онъ только что обучилъ нѣсколькихъ катехизаторовъ, которые начали собирать у себя на домахъ лицъ, готовыхъ слушать, христіанское ученіе и таковыхъ написало до 20 человѣкъ, какъ въ Хакодатѣ былъ полученъ указъ новаго правительства съ за-

прещеніемъ принимать христіанскую вѣру. Катехизаторамъ угрожала такимъ образомъ опасность быть посаженными въ тюрьмы и, быть можетъ, казненными. Не колеблясь долго, архіепископъ рѣшилъ избавить ихъ отъ этой участіи: онъ снабдилъ ихъ книгами и разослали изъ Хакодатѣ въ разныя стороны на проповѣдь. «Цѣлью ихъ путешествія, писалъ онъ, кромѣ ближайшей—скрыться отъ опасности, поставлено еще то, чтобы они хорошошенько разузнали вездѣ направление умовъ, постарались найти людей нужныхъ для нашего дѣла и, наконецъ, если можно, положили бы по мѣстамъ хотя начатки христіанскихъ обществъ. Но все это на всякий случай: въ глубинѣ души я очень мало питалъ надежды на ихъ успѣхи, пусть бы хоть сами остались цѣлы, да не компрометировали себя». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 254).

Періодъ пребыванія въ Хакодатѣ съ 1861—1869 г. былъ лишь подготовительной стадіей къ послѣдующей дѣятельности архіепископа Николая. Главнѣйшая работа его въ эти годы была сосредоточена на изученіи японского языка и Ипоніи.

Изученіе архіепископомъ Николаемъ японского языка.

Располагая теперь огромнымъ количествомъ всевозможныхъ грамматикъ, словарей, изданныхъ съ переводами и комментариями текстовъ, громаднымъ количествомъ пособій по истории, религії и быту Ипоніи, мы все же говоримъ, что изученіе японского языка представляетъ собою чрезвычайную трудность. Въ какомъ же положеніи былъ архіепископъ Николай, брошенный одинокимъ въ этотъ огромный японскій міръ съ однину, только желаніемъ изученія языка и Ипоніи, но безъ маломальски удовлетворительныхъ пособій къ этому на доступныхъ для него языкахъ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ самъ свои первые шаги въ области изученія японского языка.

«Пріѣхавъ въ Ипонію, я насколько хва-

тало силъ, сталъ изучать здѣшній языкъ. Много было потрачено времени и труда, пока я успѣлъ присмотрѣться къ этому варварскому языку, положительно труднѣйшему въ свѣтѣ, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ: природнаго японскаго и китайскаго, перемѣшанныхъ между собою, но отнюдь не слившися въ одинъ. Сколько родовъ разговорнаго языка, начиная почти отъ чисто-китайскаго діалекта до вульгарной рѣчи, въ которой, однако, неминуемо вилетаются китайскія односложные слова. Сколько разныхъ способовъ письма, начиная также отъ чисто китайской книги до книгъ, писанныхъ фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбѣжно путаются китайскіе іероглифы. Отъ взаимной встрѣчи и переплетенія этихъ двухъ языковъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ семействамъ, съ грамматическими конструкціями, совершенно непохожими одна на другую, какое громадное количество выродилось и самыхъ невѣроятныхъ грамматическихъ сочетаній, формъ, частичекъ, хвостиковъ, часто, по-видимому, ничего не значащихъ, но требующихъ, однако, большой деликатности въ обращеніи съ собою. И такие люди, какъ пресловутый quasi - знатокъ японского языка, французъ Рони, осмѣливаются писать грамматику японскаго языка. Хороши грамматики, которая приходится бросить въ уголъ, какъ ненужный хламъ, спустя недѣлю по пріѣздѣ въ Ипонію. Видно, долго еще изучающимъ японскій языкъ придется изучать его инстинктомъ, чрезъ чтеніе книгъ и механическое пріученіе себя къ тѣмъ или другимъ оборотамъ разговорной и письменной рѣчи. Такъ инстинктивно и я научился, наконецъ, кое-какъ говорить и овладѣть тѣмъ самымъ простымъ и легкимъ способомъ письма, который употребляется для оригинальныхъ и переводныхъ ученыхъ сочиненій». («Хр. Чт.» 1869. I, стр. 247—248).

Не смотря однако на такія неблагопріятные условія, архіепископъ Николай, пу-

темъ постояннаго чтенія японской литературы и постояннаго общенія съ японцами, достигъ удивительного знанія японскаго и разговорнаго и книжнаго языка. Я никогда не забуду того собранія, которое состоялось въ Токіо при отѣзѣдѣ изъ Японіи епископа Андроника въ залѣ Young Men Christian Association, гдѣ присутствовала аудиторія болѣе чѣмъ въ 1000 человѣка японцевъ, обращаясь къ которой, архіепископъ Николай говорилъ почти 2 часа. У архіепископа былъ сильный иностранный акцентъ. Кромѣ того, 8 лѣтъ пребыванія въ Хакодатѣ дали его произношенію сильный оттѣнокъ сѣверо-японскаго діалекта. Но это письколько не мѣшало ему быть понимаемъ всѣми японцами отъ мала до велика, богатство слова и легкость построенія фразъ давали его рѣчи силу, приводившую въ восторгъ всѣхъ японцевъ. Архіепископъ не былъ ораторомъ въ парламентскомъ смыслѣ, рѣчь его не лилась такими длинными, безконечными періодами, какъ у японскихъ адвокатовъ, фразы были короткія, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркіе и сильные. Нѣсколько разъ аудиторія перебивала его громкими одобреніями и аплодисментами, и это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ черпалъ изъ своей изумительной эрудиціи образы, примѣры и сравненія, о которыхъ японцы никогда и не думаютъ, что они могутъ быть известными европейцу. Рѣчь эта имѣла своимъ предметомъ обзорнѣе всей японской культуры и исторіи, анализъ японскихъ религій и системы государственного управления въ древней и новой Японіи и сведена была къ тому, что вся культура и исторія Японіи служатъ подготовительной стадіей къ принятію Иисуса христіанства.

Впечатлѣніе этою рѣчью было произведено громадное, что объяснялось чрезвычайнымъ подъемомъ, силою экспрессии и тою свободою обращенія съ японскимъ языкомъ, съ которою она была произнесена.

Я считаю нужнымъ отмѣтить именно эту, слышанную мною рѣчу архіепископа, такъ какъ она совершенно выходила изъ предѣловъ его обычной повседневной работы. Что же касается до рѣчей христіанскаго и богословскаго содержанія, то онъ произносилъ имъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ. То были и рѣчи въ храмѣ, и рѣчи на всякаго рода христіанскихъ собраніяхъ, и ученія и поученія отдельными вѣрующими, приходившими къ своему паству за словомъ утѣшенья, за разъясненіемъ всякаго рода религіозныхъ сомнѣній, за инструкціями для опроверженія аргументовъ, выставляемыхъ буддистами, синтоистами и инославными міссионерами противъ православія. Въ этой области архіепископъ, какъ специалистъ, естественно не зналъ себѣ равнаго.

Приходилось мнѣ видѣть архіепископа и въ японскомъ обществѣ на различныхъ пріемахъ, обѣдахъ, собраніяхъ. Здѣсь онъ былъ всегда веселымъ собесѣдникомъ, у которого сыпались разного рода шутки, исторические разсказы, описание японского быта и пр. Постоянныя путешествія по Японіи и столкновенія съ японскимъ народомъ, при огромной памяти архіепископа, давали ему неистощимый материалъ для рассказовъ, и его всегда можно было видѣть окруженнымъ на такихъ собраніяхъ цѣлою толпою слушателей. При этомъ, однако, всѣ его рассказы всегда носили характеръ благородства, его юморъ никогда не спускался до вульгарности, и собесѣдники—японцы уходили послѣ разговора съ нимъ съ пополненнымъ багажомъ полезныхъ знаній и чувствомъ глубокаго уваженія къ этому иностранцу. Недаромъ въ японской прессѣ можно постоянно находить замѣчанія, что архіепископъ Николай зналъ Японію лучше самихъ японцевъ.

Что касается до степени знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка, то въ записанныхъ мною протоколахъ предсоборныхъ засѣданій православнаго духовенства въ Токіо въ йюнѣ 1906 года

имѣется слѣдующее о томъ свидѣтельство. Обсуждался вопросъ о необходимости для православной японской Церкви избрать благочинного, на которого была бы возложена обязанность объѣзжать японскія церкви и общины и контролировать дѣятельность священниковъ и катихизаторовъ. По этому поводу одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Церкви, редакторъ православнаго журнала Сэнкё симпо, Петръ Исикава, сказалъ слѣдующее:

«По моему мнѣнію, долженъ быть поставленъ благочинный, чтобы замѣнить архіепископа при объѣздѣ церквей. Архіепископъ Николай самъ теперьѣѣдѣть не можетъ. Я имѣлъ съ нимъ по этому поводу неоднократные разговоры, но онъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ заниматься переводами. Онъ сказалъ мнѣ такъ: «Я не изъ гордости говорю, но по глубокому сознанію, что я дѣйствительно теперь могу лучше всякаго другого заниматься переводами богослужебныхъ книгъ. Я знаю русскій и славянскій языки и знаю греческій языкъ, а потому могу сличать славянскій текстъ съ греческими оригиналами; знаю японскій и китайскій языки и потому могу излагать переводы. Наконецъ я имѣю уже опытность въ дѣлѣ переводовъ, и потому мнѣ лучше всего сосредоточить все свое вниманіе на удовлетвореніи именно этой, самой важной нужды Церкви».

Когда соборъ всего духовенства въ этомъ засѣданіи, на которомъ преосвященный не присутствовалъ, и потому критика церковнаго строя велась совершенно открыто, перешелъ къ обсужденію данного вопроса, то всѣ единогласно высказались, что ни одинъ изъ японцевъ не въ силахъ замѣнить архіепископа въ его переводческой работѣ. Здѣсь только я почувствовалъ всю ту силу уваженія японцевъ къ учености и эрудиціи преосвященнаго Николая въ области японологии, о которой мнѣ приходилось слышать раньше. Можно ли дѣйствительно представить себѣ болѣе высокое признаніе авторитета, чѣмъ постановленіе всего право-

славнаго собора о необходимости врученія переводовъ на японскій языкъ именно архіепископу, хотя онъ по происхожденію и иностранецъ? Мы знаемъ, что прожившій 50 лѣтъ въ Японіи и потерявшій глаза надѣлъ изученіемъ японскаго языка проф. Чембэрлэнтъ былъ избранъ, заслуженнымъ профессоромъ Токіоскаго университета по каѳедрѣ японской литературы. Мнѣ думается, что вышеупомянутое постановленіе православнаго собора является аналогичнымъ съ этимъ фактомъ.

Къ области знанія архіепископомъ книжнаго японскаго языка нужно отнести и введеніе имъ текущихъ дѣлъ православной Церкви. Управлять японской Церковью безъ знанія разговорнаго и книжнаго языка абсолютно невозможно. Съ 6-ти часовъ утра до 12-ти дня архіепископъ ежедневно занимался церковными дѣлами, и занятія эти состояли главнымъ образомъ въ корреспонденціи съ вѣрующими. Писаль онъ самъ отвѣты очень рѣдко, такъ какъ это потребовало бы отъ него слишкомъ большой механической работы. Но каждое письмо имѣло прочитывалось, обсуждалось съ секретаремъ, и послѣднему архіепископъ диктовалъ отвѣтъ. Затѣмъ, написанное по такимъ указаниямъ письмо архіепископомъ редактировалось, иногда исправлялось, иногда подписывалось безъ помарокъ. Содержаніе этихъ писемъ обнимало, само собою разумѣется, всю церковную жизнь миссіи и частную жизнь вѣрующихъ, и понятно поэтому, что знанія японскаго языка и письменности архіепископа были совершенно адекватными этимъ требованіямъ. Затѣмъ, раньше опубликованія, онъ редактировалъ всѣ миссійскія изданія, слѣдилъ тщательно за публикуемыми миссіею периодическими органами и былъ въ курсѣ всей текущей государственной жизни Японіи, за которую слѣдилъ по японской прессѣ. Читалъ онъ постоянно и газеты англійскія.

Таковы были результаты изученія архіепископомъ Николаемъ японскаго языка, которое было начато имъ въ Хакодатѣ

Онъ самъ говорилъ постоянно, что безъ 8-ми лѣтъ работы на Хоккайдо надъ изученiemъ языка и Японіи, онъ никогда не былъ бы въ состояніи вести дѣло миссии съ такою продуктивностью.

III

Распространение архиепископомъ Николаемъ православія въ Японіи.

Возвратившись въ 1871 году изъ Россіи, архієпископъ Николай въ скромъ вре-
мени имѣлъ уже возможность перѣѣхать
въ Токіо, гдѣ и обосновался на господ-
ствующемъ надо всѣмъ Токіо холмѣ Суру-
гадай. Съ этого времени дѣло миссій ста-
новится на болѣе прочную ногу, и архі-
єпископъ развертываетъ свои міссіонерскія
и административныя дарования во всю
шире. Слѣдить годъ за годомъ за этою ра-
ботою архієпископа намъ не представляется
сейчасъ возможности, и потому мы долж-
ны ограничиться только указаніемъ на тѣ
общія условія, въ которыхъ шла работа
архієпископа Николая, и затѣмъ обрисо-
вать вкратцѣ достигнутые имъ результаты.

Вопросъ о распространеніи православія въ Японії представляется чрезвычайно труднымъ для объясненія съ церковно-исторической точки зреії.

Нынѣ намъ уже документально известно, что, съ самыхъ первыхъ шаговъ знакомства съ русскими, японцы прониклись къ нашей родинѣ самою глубокою подозрительностью. Какъ большие патріоты, они боялись, что Россія желаетъ завладѣть Японіей и съ начала XIX вѣка уже принимали самыя активныя мѣры для изученія

Почему же именно, при такомъ отношеніи къ намъ японского народа, православіе имѣло успѣхъ?

Ми приходилось слышать въ Японіи, и этотъ взглядъ проникъ отчасти уже и въ русскую литературу, что первый періодъ дѣятельности арх. Николая совпалъ какъ разъ съ борьбою послѣдніихъ приверженцевъ єшоуната Токугава съ возрожденіемъ

давшимся къ жизни императорскимъ правительстvомъ, и что первые послѣдователи Пр. Николая принимали православіе по тому, что надѣялись черезъ религию найти поддержку въ Россїи для борьбы съогупата противъ правительства Мэнзи, что именно поэтому ониъ больше всего напечь учениковъ и неофитовъ на сѣверѣ Японіи, где привязанность къ дому Токугава была сильнѣе, нежели на югѣ. Миъ, однако, такое объясненіе представляется малѣдовлатворительнымъ. Во 1-хъ, японцы, привсей своей склонности отставать правы Токугавасскаго дома, были все же слишкомъ патріотичны, чтобы мечтать о союзѣ съ ненавистною для нихъ Россіей; во 2-хъ, самый контингентъ первыхъ послѣдователей православія, за очень немногими исключеніями, былъ по своему классовому строю слишкомъ далекъ отъ какой бы то ни было политики: съ самаго начала и до сего дня православіе распространяется главнымъ образомъ среди бѣднѣшаго класса японцевъ. Въ Японской православной Церкви аристократіи чрезвычайно мало, богатыхъ купцовъ, зажиточной интелигенціи, крупныхъ землевладѣльцевъ не было съ самаго начала и быть почти и теперь. Отсюда именно происходит и чрезвычайная бѣдность православной японской Церкви.

Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснитъ распространеніе православія? Для насъ въ данный моментъ всего интереснѣе взглянуть на этотъ вопросъ почившаго владыки.

Уже въ 1869 г. онъ писалъ: «Характеристично для православія въ Японії то, что православная місія, всего 8 лѣтъ существующа, при двухъ постоянныхъ за это время місіонерахъ безъ всякихъ определенныхъ материальныхъ средствъ, числомъ христіанъ уже вдвое сильнѣе, чѣмъ католическая и всѣ протестантскія місії, взятыя вмѣстѣ, несмотря на то, что католическая и престестантская місія болѣе 20 лѣтъ, какъ основаны въ Японії, что у нихъ сотни місіонеровъ и місіонерокъ и неистощимы материальными средствами».

(Древняя и Новая Россия. 1879 г. X,
и стр. 231).

Въ вышеупомянутой рѣчи, произнесеній въ 1907 г. при отѣзданіи изъ Токіо епископа Андроника на большомъ собраніи японцевъ, равно какъ и въ другихъ своихъ опубликованныхъ трудахъ архиеп. Николай неоднократно и самымъ обстоятельнымъ образомъ доказывалъ, что въ Японіи наступила пора принять христіанство, и что это принятіе христіанства является завершеніемъ всей прежней вѣковой, умственной и моральной культуры Японіи. Онъ разсматривалъ современное богоискательство интеллигентныхъ и философски настроенныхъ круговъ Японіи и выяснялъ, что ихъ религіозный индифферентизмъ происходитъ отъ неудовлетворенности существующими религіями.

наивны и смѣшны, что придавать серьезное значение буддизму современный японец не можетъ. Архіепископъ указалъ, что современная популярная сочиненія буддизма полны такими историческими неизвѣстностями и несообразностями, что отъ нихъ буквально вянуть уши. Такъ въ одномъ жизнеописаніи будды ему пришлось читать преблагочестивоеувѣреніе автора, будто за матерью будды въ приданое даны были, между прочимъ, 7 полныхъ возовъ «голландскихъ рѣдкостей», а когда она забеременѣла буддой, то другая жена царя изъ зависти, чтобы убить въ ней младенца, обратилась къ одному изъ христіанъ, которые, какъ извѣстно, все колдуны, чтобы, при помощи его волхвованій, испортить свою соперницу. Съ мельчайшими подробностями здѣсь же былъ описанъ способъ волхвованія христіанина, приложенъ даже его портретъ и изображенъ, какъ онъ погибъ среди волхвованій, пораженный небесными силами.

Кромѣ синтоизма и буддизма въ Японіи, въ видѣ нравственно-богословской школы, существуетъ еще конфуціанство, но и оно не можетъ заполнить религиозной мысли ищущаго бога японца.

Почему же доселѣ Японія не прияла христіанства?—Причина этому, по словамъ архіепископа, заключается главнымъ образомъ въ самихъ христіанахъ. Въ XVI вѣкѣ уже японцы насчитывали въ своихъ рядахъ не мало христіанъ, но чья была вина, если христіанство смыкалось съ политикой и вызвало поэтому запретительные распоряженія лучшихъ изъ японскихъ правителей? «Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны», былъ короткій отвѣтъ геніального Тётомі Хидэёси одному епископу. И дѣйствительно, могли ли относиться японцы къ христіанству иначе, если сами христіане пятнали себя политическимъ интриганствомъ? Вотъ совершенно достовѣрный фактъ: по смерти одного удѣльного князя, когда за нѣкоторыя вины имущество его

было конфисковано, въ его домѣ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ, наполненный драгоценными золотыми подарками и корреспонденціей, открывшей, что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ напой и собирался предать свое отечество во власть иноземцевъ. Вотъ гдѣ лежитъ причина антихристіанскихъ правительственныйыхъ эдиктовъ, формулировавшихся такъ: «хотя бы самъ богъ христіанскій пришелъ въ Японію,—и ему голова долой».

Архіепископъ въ исторіи Японіи усматривалъ особую руку Промысла, спасшую Японію отъ того политически интригующаго христіанства, которое пришло въ страну Восходящаго Солнца въ XVI вѣкѣ. Онъ вмѣстѣ съ этимъ всегда указывалъ на то, что теперь времена совершенно перемѣнились, что въ Японіи христіанство проповѣдуется вѣнѣ всякой связи съ политикой и потому принятіе его естественно для человѣка съ одной стороны и не грозить опасностями ни націи, ни правительству съ другой.

По своему принципу воздерживаться отъ публичного осужденія инославныхъ исповѣданій, архіепископъ очень рѣдко говорилъ объ отношеніи японцевъ къ католичеству и протестантству, но мы имѣемъ его взглядъ на этотъ вопросъ, изложенный еще въ 1869 году.

«Японцы, кажется, и обнаруживаютъ наклонность къ православію. Не нравится имъ, и не можетъ нравиться такому развитому и пытливому народу, гнѣть католичества, которое, проповѣдуя христіанство, не позволяетъ читать въ подлинникѣ ученіе Христа, уже этимъ однимъ возбуждая недовѣріе и сомнѣніе въ подлинности проповѣдуемаго».

«Не нравится японцамъ и протестантство. Они изнурены и своею собственною религіозною неурядицей и пустотою; и протестантство, давая лишь біблію въ руки, но предоставляя каждому понимать ее какъ угодно, т. е. то же что и въ язычес-

ствѣ, оставляя людей въ дѣлѣ религіи руководствоваться человѣческими воззрѣніями, а не указывая ясно и определено Божественной истины, конечно, не можетъ удовлетворить и успокоить ихъ. Характеристично для протестантства въ Японіи то, что лучшіе люди изъ протестантскихъ проповѣдниковъ, многіе годы, бывшіе преданными протестантами и проповѣдниками протестантства, даже терпѣніе гоненія за него, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, сами собою, бросаютъ его и дѣлаются злыми врагами и поносителями его и, по невѣжству, всего христіанства; это значитъ, что они прошли сквозь узкое и тощее ученіе и вновь очутились въ пустотѣ, съ неудовлетворенною какъ прежде религіозною жаждою».

«Повидимому, недалеко поэтому то времія, когда для Японіи разрѣнится вопросъ, какое вѣроисповѣданіе будетъ въ ней господствующимъ. Въ Россіи когда-то князь Владиміръ, въ виду необыкновенной важности подобного вопроса для Россіи, принялъ всѣ мѣры къ наилучшему разрѣненію его,—самъ выслушивалъ всѣхъ разновѣрныхъ миссіонеровъ, совѣтовался съ вельможами, посыпалъ особое посольство за границу для изученія вѣръ и избрания лучшей изъ всѣхъ. Дай Богъ, чтобы и японское правительство со всемъ осмотрительностью и мудростью рѣшило этотъ вопросъ для Японіи какъ въ интересахъ самой истины, такъ и въ видахъ духовныхъ и вещественныхъ пользъ своего народа. Вопросъ этотъ—неизмѣримой важности. Отъ просвѣщенія Японіи христіанствомъ будетъ много зависѣть просвѣщеніе и другихъ монгольскихъ народовъ». («Японія и Россія». «Древняя и Новая Россія». 1879. Окт. стр. 230—231).

Итакъ причиной распространенія православія въ Японіи почившій владыка считалъ прежде всего подготовленность Японіи къ восприятію христіанства вообще. Вторымъ условіемъ его распространенія онъ считалъ полную свободу въ православіи отъ связи съ политикой. Въ этомъ отношеніи его можно скорѣе считать педантомъ, но его педантизмъ, какъ мы видимъ, основывался на глубокомъ знаніи японской исторіи, въ которой уже одинъ разъ было запрещено христіанство за политическую интриги. Во много разъ скорѣе онъ могъ ожидать того же по отношенію къ русскому православію, такъ какъ и русофобская литература и подозрительность японцевъ къ Россіи и ненавистничество къ ней японскихъ инвазионистовъ были ему прекрасно извѣсты.

Сила православія въ Японіи заключалась и заключается несомнѣнно въ томъ, что оно построено всецѣло на японской почвѣ, что распространителями его являются сами японцы, что оно въ своихъ стремлѣніяхъ вѣ ищетъ материальныхъ выгодъ, не заикается у аристократіи и богатыхъ классовъ, а идетъ самостоятельно доро-го и невольно привлекаетъ поэтому уваженіе всѣхъ честныхъ людей, ищущихъ Бога.

Созданіе японской православной Церкви.

По отчетамъ православной японской духовной миссіи къ 1-му января 1910 года въ японской православной Церкви состояло 265 церковныхъ общинъ, въ которыхъ числилось 31.538 христіанъ обоего пола.

Японская миссія издаетъ ежегодно карты распространенія христіанства съ точнымъ обозначеніемъ мѣстонахожденія православныхъ христіанскихъ общинъ. Въ миссійскихъ календаряхъ указывается и перечень всѣхъ этихъ общинъ, какъ по провинціямъ (куни), такъ и по префектурамъ (кэнъ) Японіи. Имѣющаяся у меня карта относится къ 1906 году. Взглядъ на нее показываетъ, что главнейшимъ центромъ православія въ Японіи являются сѣверные округа. Церкви сѣверной Японіи считаются наиболѣе состоятельными и, какъ болѣе раннія по своему основанію, онъ всегда указываютъ направление при возникновеніи новыхъ вопросовъ въ жизни миссіи. Изъ

съверныхъ церквей особенною любовью архіепископа Николая пользовалась, и намъ русскимъ особеною интересною представляется маленькая община православныхъ на островѣ Сикотанѣ. Церковь эта имѣть свою особую исторію. Когда въ 1875 г. произошло обмѣнъ Сахалина на Курильскіе острова, японское правительство, по политическимъ соображеніямъ, привило мѣры къ удаленію съ ближайшаго къ Камчаткѣ острова Сюмусю проживавшихъ тамъ аину, бывшихъ русскихъ подданныхъ, которые жили раньше съ русскими, получали образованіе въ русскихъ школахъ, говорили по руски и могли бы быть такимъ образомъ, нежелательнымъ для Японіи насоленіемъ на случай столкновенія ея съ Россіей. Изъ этихъ же соображеній и мѣстомъ нового жительства для Сюмусюскихъ аину былъ избранъ почти необитаемый дотолѣ островъ Сикотанъ, гдѣ бывшихъ русскихъ подданныхъ никто не могъ видѣть. Выѣздъ для этихъ аину съ острова былъ воспрещенъ. Немедленно были приняты мѣры объяпониванія этихъ аину, путемъ распространенія между ними японскаго языка и обученія аинскихъ дѣтей въ японскихъ школахъ. Была попытка и совращенія аину изъ православія въ буддизмъ. Для этой цѣли около 12 лѣтъ тому назадъ на Сикотанѣ прибыла бонза буддійской секты Монгосю, который жилъ на островѣ нѣсколько лѣтъ проповѣдуя буддизмъ, но его аину не слушали. Затѣмъ, желая внушить аину возможно большее впечатлѣніе о величинѣ и значеніи буддизма, онъ взялъ съ собою двухъ молодыхъ аину, возилъ ихъ по Японіи, въ Кіото, Токіо и другіе центры буддизма и знакомилъ ихъ съ важнейшими кумирнями и другими учрежденіями своей вѣры. Молодые люди, прибывъ въ Токіо, заявили здѣсь православнымъ христіанамъ, что отказаться отъ даровой поѣздки по Японіи имъ не хотѣлось, но что никто изъ сикотанскихъ аину никогда не отступить отъ православія. Они забрали съ собою цѣлую библиотеку изданій право-

славной японской миссіи и возвратились домой.

Бѣдственное положеніе этихъ аину на островѣ Сикотанѣ удостовѣreno цѣлымъ рядомъ японскихъ писателей, съ Торі Рюзою во главѣ, и имъ то на помощь пришелъ съ духовнымъ утѣшениемъ архіепископъ Николай, вначалѣ командировавшій туда священника Тита Комацу, съ переводчикомъ Алексѣемъ Савабэ, а затѣмъ посыплившій на Сикотанѣ у аину катехизатора Салто Раку-у. Отъ этихъ японцевъ мы имѣемъ въ журналь Саикё симпо въ высшей степени трогательныя описанія ихъ пребыванія у Сикотанскихъ аину, и, можетъ быть, ни отъ кого въ жизни архіепископъ не получалъ такой благодарности какъ отъ этихъ несчастныхъ. «Когда я прибылъ въ Токіо съ Сикотана, пишетъ о. Титъ Комацу, то немедленно же доложилъ о положеніи дѣлъ епископу. Епископъ молча плакалъ и послѣ вѣкотораго времени сказалъ мнѣ: «Ты ихъ ближайшій пастырь и священникъ и долженъ осуществлять на дѣлѣ слова нашего Господа Иисуса, а потому подумай объ этомъ обстоятельно». Послѣ этого во всей японской православной Церкви былъ открытъ сборъ пожертвованій въ пользу несчастныхъ сикотанскихъ аину, и между маленькой аинской общиной и японской Церковью стѣхъ поръ установилось духовное единеніе, которое архіепископъ Николай тщательно поддерживалъ.

Изъ церквей на съверномъ островѣ Хоккайдо первое мѣсто занимаетъ Хакодатская, какъ старѣйшая. Къ ней архіепископъ относился съ особенной нѣжностью, и когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время большого хакодатскаго пожара, сгорѣлъ православный храмъ, то это доставило ему много скорби. Хоккайдо раздѣленъ на три округа, каждый округъ находится подъ надзоромъ рукоположенного священника, который совершає обѣзыды по своему округу три раза въ годъ. На всемъ островѣ существуетъ болѣе 30 церковныхъ общинъ,

катехизаторовъ же только 9, такъ что на долю каждого изъ нихъ приходится очень тяжелая работа. Покойный архіепископъ смотрѣлъ на Хоккайдо съ большой надеждою и говорилъ всегда, что тамошніе жители наиболѣе склонны къ принятію христіанства.

Главный островъ Японіи Хонсю раздѣленъ въ церковно-православномъ отношеніи на 18 округовъ, раскинутыхъ отъ Аомори до Хirosима, изъ нихъ большая часть христіанъ находится въ съверныхъ провинціяхъ острова и только въ послѣднее время православіе обнаружило наглядную тенденцію движенія на югъ. На картѣ нанесены общины въ 39 провинціяхъ главнаго острова и лишь въ 9 провинціяхъ православныхъ общинъ не имѣется. На островѣ Кюсю изъ 9 провинцій не имѣется православныхъ лишь въ одной. Здѣсь работаютъ пять катехизаторовъ подъ руководствомъ двухъ священниковъ. На островѣ Сикоку православные имѣются во всѣхъ 4-хъ провинціяхъ и проживаетъ одинъ священникъ.

За послѣдніе годы миссія особо выдѣляеть, какъ образцовая, церкви по линіи Токайдоосской ж. д. въ Оказаки, Хамамацу, Тоёхаси и Нагой. Послѣдній объѣздъ ихъ епископомъ Сергиемъ доставилъ много утѣшения покойному архіепископу. Послѣ японско-русской войны православная Церковь въ Японіи приняла на себя обязанности удовлетворенія религіозныхъ потребностей также и православного населенія Южнаго Сахалина, а расширение власти Японіи надъ Формозою и Корею создало необходимость отправленія православныхъ катехизаторовъ въ эти страны. Такимъ образомъ дѣло православной миссіи за послѣдніе годы въ значительной мѣрѣ усложнился, что сознавалось и самимъ архіепископомъ Николаемъ и доставляло ему не мало заботъ.

IV.

Организація архіепископомъ Николаемъ православной японской миссіи.

Православная японская миссія въ томъ видѣ какъ существуетъ она сейчасъ создалась не сразу. Много было положено архіепископомъ трудовъ для приведенія отдѣльныхъ частей миссіи на ту высоту, на которой онъ стоять нынѣ. Каждый отдѣль миссіи имѣть свою исторію, иногда очень сложную, останавливаться на которой въ общемъ очеркѣ не представляется возможнымъ. Одно только необходимо сказать, что если въ данный моментъ некоторые изъ отдѣловъ миссіи идутъ уже самостоятельно, только руководясь высшими указаніями главы миссіи, то въ своихъ первыхъ стадіяхъ развитія они вѣсъ или, жили и дѣствовали при непосредственномъ участіи архіепископа Николая, какъ инициатора, участника и души всего дѣла.

Въ данный моментъ въ миссіи существуютъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Переводческій отдѣлъ. 2) Редакція журнала «Саикё симпо». 3) Духовная семинарія. 4) Женская школа. 5) Катехизаторская школа. 6) Дѣтскій сиротскій приютъ. 7) Иконописный отдѣлъ. 8) Церковный хоръ. 9) Библиотека. Остановимся вкратце на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I. Переводческий отдѣлъ.

Ни одной изъ частей миссіи не придавалъ такъ много значенія архіепископъ Николай, какъ переводческому отдѣлу. «Вѣнемъ, говорилъ онъ, заключается вся суть миссійскаго дѣла. Въ настоящее время вообще работа миссіи, въ какой бы то ни было странѣ, не можетъ ограничиваться одною устною проповѣдью. Времена Франциска Ксаверія, бывшаго по улицамъ съ колокольчикомъ и созывавшаго такимъ путемъ слушателей, прошли. Въ Японіи же, при любви населенія къ чтенію и при развитіи уваженія къ печатному слову, вѣрю-

щимъ и оглашаемъ прежде всего нужно давать книгу, написанную на ихъ родномъ языкѣ, непремѣнно хорошимъ слогомъ и тицательно, красиво и дешево изданную. Особенное значение у насъ имѣютъ книги, выясняющія вѣроисповѣдныя разности съ католичествомъ и протестантствомъ. «Мнѣ, говоритъ преосвященный Николай, много разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ наши христіане, вооруженные знаніями, почерпнутыми изъ місійскихъ изданій, вели собесѣданія со своими соотечественниками католиками и протестантами и оставались побѣдителями. Печатное слово должно быть душою місії».

Этому принципу архіепископъ Николай следовалъ всю свою жизнь неуклонно. Въ теченіи 30 послѣднихъ лѣтъ, минута въ минуту въ шесть часовъ вечера входилъ въ его келью его постоянный сотрудникъ по переводамъ Накаи-санъ, садился рядомъ съ архіепископомъ на низенький, аршина полтора въ квадратѣ, табуретъ, на которомъ лежала подушка, называемая по японски «забутонъ», и начинай писать подъ диктовку архіепископа переводы. Работа эта продолжалась въ теченіи четырехъ часовъ и оканчивалась въ 10 часовъ вечера. Откладывалась она только въ дни вечернихъ богослуженій и праздниковъ. Въ часы работы надъ переводами, двери кельи высокопреосвященнаго были абсолютно закрыты, и входилъ туда только слуга преосвященнаго, Иванъ-санъ, чтобы подать чаю. «Хотя бы небо разверзлось, говорилъ владыка, а я не имѣю права отмѣнить занятій по переводу».

Въ высшей степени интересными представляются для насъ первые шаги архіепископа Николая въ его переводческой дѣятельности. Какъ человѣкъ вѣчно стремившійся къ совершенствованію, архіепископъ Николай никогда не бывалъ доволенъ своими переводами. Онъ неустанно искалъ новыхъ и новыхъ формъ, и переводъ молитвы Господней, напримѣръ, онъ исправлялъ, кажется, 3 или 4 раза. И съ

самаго начала онъ пытался найти для себя хотя бы какую-либо опору, хотя бы какой-либо контроль своихъ первыхъ шаговъ въ переводческомъ дѣлѣ. Еще будучи въ Хакодатѣ, онъ старался утилизировать существовавшіе уже православные переводы Библіи и богослужебныхъ книгъ на китайскомъ языкѣ. Но эта попытка не была удачною. Вотъ какъ пишетъ о своихъ первыхъ опытахъ переводовъ самъ архіепископъ:

Когда «научился я, наконецъ, кое-какъ говорить и овладѣть тѣмъ, самымъ простымъ и легкимъ способомъ письма, который употребляется для оригинальныхъ и переведенныхъ ученыхъ сочиненій, то съ этимъ знаніемъ немедленно же приступилъ къ переводу Нового Завѣта на японской,—переводу не съ русскаго: отыскивать китайскіе знаки для каждого русскаго слова—трудъ далеко еще не подъ силу мнѣ, да и бесполезный,—а съ китайскаго; дѣло, повидимому, легкое: японецъ, хорошо понимающій китайскую книгу, переводить Евангеліе на японской, причемъ каждое слово выражено китайскимъ знакомъ, но около него поставлено японское чтеніе, и затѣмъ всѣ грамматическія формы выражены также японскими фонетическими знаками; мое дѣло было—съ другимъ ученымъ японцемъ провѣрять и поправлять переводъ. Работа шла очень быстро, пока я, постепенно знакомясь съ китайскимъ текстомъ, не дошелъ до окончательного разочарованія въ авторитетности его самого. Я выписалъ изъ Китая другой переводъ Нового Завѣта. Оказывается, что одинъ буквально до шероховатости языка и часто до непонятности, другой изукирашенъ—очень часто до совершенной перефразировки и до пропуска и вставки многихъ словъ. Это заставило меня тщательно слѣдить за текстомъ по русскому и славянскому переводамъ. Изрѣдка встрѣчающаяся несогласія между тѣмъ и другимъ (всегда, сколько я замѣтилъ, не въ пользу первого) побудили

меня заглядывать еще въ Вульгату и въ

англійскій текстъ, наконецъ, я дѣсталъ и греческій Новый Завѣтъ. Просматривая каждый стихъ во всѣхъ этихъ чтеніяхъ, а въ трудныхъ мѣстахъ прочитывая и толкованіе Златоуста, я, наконецъ, дошелъ до такой медленности въ переводѣ, что въ 5 часовъ, которые посвящались въ сутки на эту работу, переводилъ не болѣе 15 стиховъ. Переводить въ послѣднее время я уже сталъ самъ, отдавая текстъ лишь послѣ на просмотръ ученому японцу. Такъ переведены: Соборная посланія ап. Павла къ Галатамъ, Ефесеямъ, Филиппіямъ и Колоссіямъ и половина посланія къ Римлянамъ. Оглядываясь теперь на эти переводы, я снова вижу въ нихъ безчисленныя неисправности. Переведенный же сначала Четыре Евангелія и Дѣянія Апостоловъ требуютъ новаго перевода. Въ промежуткахъ этой работы переведены съ китайскаго: Православное вѣроисповѣданіе святаго Димитрія Ростовскаго, Катехизисъ для оглашенныхъ, краткая Священная Исторія Ветхаго Завѣта, утрення и вечерня молитвы; съ славянскаго: обрядъ присоединенія иновѣрныхъ и крещенія» (Хр. Чт. 1869, I, стр. 255).

Въ особенности широко былъ въ состояніи развить переводческую дѣятельность архіепископъ Николай послѣ переѣзда въ Токіо. Здѣсь съ открытиемъ православнаго богослуженія ему потребовались уже японскія богослужебныя книги въ полномъ ихъ объемѣ, потребовались образцы проповѣдей, нужно было сформировать хоръ, словомъ открылась широкая работа. Началь свои переводы богослужебныхъ книгъ архіепископъ Николай съ круга воскреснаго богослуженія, затѣмъ перешелъ къ цвѣтной тріоди, далѣе перевѣлъ тріодь постную и потомъ постепенно заполнялъ весь кругъ богослуженій. Одновременно съ этимъ шелъ переводъ Евангелія, которое было архіепископомъ переиздано нѣсколько разъ. Изъ Ветхаго Завѣта имъ переведены всѣ части, которыхъ необходимы для годового круга богослуженій и завѣтною мечтою его было восполнить недостающее и издать всю Библію. Въ 1910 году онъ говорилъ мнѣ, что для завершенія этого труда, по его расчетамъ, ему нужно еще пять лѣтъ, а потому мнѣ совершенно неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится эта работа въ данный моментъ.

Переводческая работа архіепископа Николая представляетъ собою, вѣнъ всякой сомнѣнія, величайший ученый трудъ, который доселъ русскимъ обществомъ не

оцѣненъ, и пройдетъ несомнѣнно еще очень много лѣтъ, раньше нежели развишееся среди лицъ богословскаго образованія знаніе японскаго языка и письменности дастъ возможность русскимъ японологамъ уяснить себѣ научную стоіимость этихъ переводовъ. Теперь мы можемъ только констатировать нѣкоторыя черты системы работы архіепископа Николая:

1) Работа эта велась имъ чрезвычайно осторожно. У архіепископа подъ руками, кроме славянскаго текста, были всегда еще и греческий, равно какъ и толкованія богослужебныхъ текстовъ, составленныя православными учеными. Даѣе, Накан-санъ, его помощникъ былъ выбранъ имъ изъ среды православныхъ ученыхъ японцевъ за его глубокое знаніе іероглифической письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вѣрѣ. При переводахъ на японскій языкъ, главнѣйшую опасность для православія представляется собою употребленіе тѣхъ китайскихъ іероглифовъ, которые имѣютъ въ буддійскомъ и синтоистскомъ церковномъ канонѣ особый смыслъ, расходящійся съ православіемъ. Въ этомъ отношеніи всѣ термины, касающіеся, напримѣръ, буддійского абсолютного существа, какъ безличнаго,—нираны, поглощающей въ себѣ все существующее; детерминистического опредѣленія человѣческой воли, и т. п. понятій, составляли особую трудность, какъ совершенно расходящіеся съ православнымъ представлѣніемъ о личномъ Богѣ, раѣ, свободной волѣ человѣка. Иногда установление одного іероглифа требовало долгихъ часовъ совѣщенія архіепископа съ Накан-санъ, а бывали и такие случаи, что о переводѣ одной фразы разсылались по всѣй Церкви архипастырскія посланія, съ просьбою къ вѣрюющимъ высказаться о соответствующей православію редакціи текста.

2) Архіепископъ Николай въ своихъ переводахъ является совершенно оригинальнымъ работникомъ. Онъ относился къ этому вопросу чрезвычайно педантично, и гово-

рилъ такъ: «Я по принципу никогда не читаю ни католическихъ, ни протестантскихъ переводовъ Библіи, изъ опасенія подчиниться имъ и хотя бы невольно что-либо изъ нихъ заимствовать. Лучше самому, исходя изъ личнаго пониманія православія, преодолѣвать трудности японской письменности и искать въ нихъ соотвѣтствія съ нашими текстами, чѣмъ подчиняться инославнымъ переводамъ, и брать изъ нихъ готовые термины».

Вслѣдствіе такого отношенія архіепископа къ дѣлу переводовъ, имъ выработанъ на японскомъ языкѣ совершенно особый православно богословскій словарь, что представляеть собою гигантскую, имѣющую большое научное значеніе, лексикологическую работу. Термины архіепископа Николая являются точнымъ переводомъ славянскихъ и греческихъ православныхъ словъ. И поэтому японскій языкъ архіепископійскихъ переводовъ представляеть собою полную новость и въ самой японской литературѣ.

Критики и научныхъ разборовъ переводовъ архіепископа Николая доселе не появлялись. Японцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить о его переводахъ, равно какъ и инославные миссионеры отмѣчаютъ въ нихъ двѣ черты: 1) близость къ подлиннику; 2) въ значительной мѣрѣ трудный для общей массы японцевъ подборъ іероглифовъ.* Поэтому поводу я имѣлъ бесѣду съ архіепископомъ и онъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Я полагаю, что не переводъ Евангелія и богослуженія долженъ спускаться до уровня развития народной массы, а, наоборотъ, вѣрующіе должны возвышаться до пониманія евангельскихъ и богослужебныхъ текстовъ. Языкъ вульгарный въ Евангеліи недопустимъ. Если мнѣ встречаются два совершенно тождественныхъ іероглифа или выраженія и оба они для японского уха и глаза одинаково благородны, то я, конечно, отдамъ предпочтеніе общераспространенному, но никогда не дѣлаю уступокъ не-вѣжеству и не допускаю ни малѣйшихъ компромиссовъ въ отношеніи точности пе-

реводовъ, хотя бы мнѣ приходилось употребить и очень малоизвѣстный въ Японіи китайскій іероглифъ. Я самъ чувствую, что иногда мой переводъ для пониманія требуетъ большого напряженія со стороны японцевъ. Но это въ значительной мѣрѣ объясняется новостью для нихъ самого православія. Вначалѣ такие упреки были еще сильнѣе, чѣмъ теперь; по мѣрѣ же развитія работы нашего переводческаго отдѣла и создания въ Японіи православно-богословской библиотеки, японцы привыкаютъ сами къ христіанско-православному мышленію, и, благодаря этому, имъ и переводы мои становятся легче».

Выясненію этого же вопроса служить одно хранящееся у меня письмо къ американскому миссионеру Джейфрису, кото-раго протестантскій епископъ въ Кіото просилъ прислать партию книгъ, переведенныхъ архіепископомъ Николаемъ и среди нихъ переводъ Евангелія въ 50 экземплярахъ. «Что бы ни говорили о переводахъ архіепископа Николая, пишетъ этотъ епископъ, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что его переводъ книги Дѣяній Апостольскихъ и Евангелія отъ Иоанна неизмѣримо выше всѣхъ существующихъ».

На ряду съ владыкою подъ его контролемъ и при его ближайшемъ участіи трудился надъ переводомъ русской богословской литературы и православно-христіанской японской миссійской переводческой отдѣлью. Въ составъ его входили раньше главнымъ образомъ лица, получившія высшее богословское образованіе въ Россіи. Позднѣе же, когда создался соотвѣтствующій контингентъ японцевъ, знающихъ русскій языкъ и окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, то наиболѣе способные изъ нихъ также зачислялись въ его составъ. Въ имѣющемъ сей часъ въ моемъ распоряженіи каталогѣ японскихъ изданий до 1896 года записано 123 изданныя книги и брошюры, а затѣмъ на отдѣльныхъ листкахъ отмѣчены изданныя въ 1903 году 9, а въ 1904 году 20 книгъ и

брошиоръ. Владыка съ гордостью отмѣчалъ, что за послѣдніе годы все болѣе и болѣе часто появляются и оригиналныя японскія православно-богословскія сочиненія. Такъ, въ одномъ 1903 году ихъ было опубликовано 15.

Въ систематическомъ каталогѣ по 1896 годъ изданія переводческаго отдѣла распределены по слѣдующимъ классамъ: 1) Богослужебная книги и молитвословы. 2) Священное Писаніе. 3) Священное преданіе и символическая книги. 4) Творенія святыхъ отцовъ и учителей Церкви. 5) Толкованіе на Священное Писаніе и ученіе о Священномъ Писаніи. 6) Догматика, догматическая монографіи и законоучительныя сочиненія. 7) Нравственное Богословіе и нравоучительныя сочиненія. 8) Церковное законополѣніе. 9) Литургика. 10) Священная Исторія. 11) Церковная Исторія. 12) Житія Святыхъ. 13) Проповѣдничество. 14) Обличительное Богословіе. 15) Новѣйшая христіанская апологетика. 16) Оригинальныя японскія сочиненія.

Въ моемъ распоряженіи въ данный моментъ, къ сожалѣнію, не имѣется целыхъ каталоговъ изданий переводческаго отдѣла миссіи послѣ 1896 года, но за послѣднія 15 лѣтъ отдѣль этотъ чрезвычайно развилъ свою дѣятельность, и потому нынѣ существующая православная библиотека въ Японіи во много кратъ превосходитъ ту, которая существовала до 1896 года. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ почти богословскія сочиненія, признаваемыя у насъ классическими, переведены на японскій языкъ. Изъ оригиналныхъ японскихъ сочиненій мы можемъ назвать изданныя въ 1903 году: 1) «Сборникъ религіозно-философскихъ статей», Павла Ямада. 2) «Религія и красота природы», Василія Ямада. 3) Две брошюры Акілы Казима: «Новопрославленный святой преподобный Серафимъ Саровский», составленная для раздачи въ день прославленія, и «Преподобный отецъ нашъ Серафимъ Саровский чудотворецъ». 4) «Краткое объясненіе всеногъ съ

наго бдѣнія и литургіи», *Свящ. Сергій Сузуки*. 5) «Краткое изложение православного вѣроученія», *свящ. Симеона Мін.* 6) «Невѣдомый Богъ», *Петра Исикава*. Въ 1904 году писатель *Исаія Мизусима* издалъ слѣдующія брошюры: а) «Альбомъ собора Воскресенія Христова въ Токіо». б) «Иллюстрированное описание храма Благовѣщенія въ Кіото». в) «О положеніи японской православной Церкви» (по поводу объявленія войны Японіи съ Россіей). г) «Война Японіи съ Россіей и японскіе православные христіане». (Отношеніе японской православной Церкви къ Россійскому Святѣйшему Синоду) и «Состояніе японской православной Церкви во время войны Японіи съ Россіей». д) «Четыре св. угодника XIX столѣтія». е) «Святая равноапостольная мученица Марія Магдалина». ж) «Богъ Творецъ». з) «Императорской домъ и православная вѣра». и) «Начатки православного христіанского вѣроученія». Иллюстрированный учебникъ для воскресныхъ школъ, книга 4-я. *Петръ Исикава* издалъ двѣ работы: «Семейная жизнь и нравственность съ христіанской точки зрѣнія» (240 стр.) и «Отвѣтъ міссионера римско-католической церкви Гику о мнимыхъ заблужденіяхъ греческой православной Церкви» (280 страницъ).

Я не имѣю возможности перечислять здѣсь дальнѣйшія изданія, но уже и перечисленныя въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ то направленіе, въ которомъ, по указаніямъ арх. Николая, ведется работа японскимъ переводческимъ отдѣломъ.

2. Редакціи журналовъ.

За время существованія міссія имѣла четыре периодическихъ органа:

1) Сэнкё симпоо, т. е. Православный Вѣстникъ. Это—официальный органъ міссіи, полумѣсячное изданіе, начатое 15 декабря 1880 года. Онъ продолжается и до сего времени подъ редакторствомъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ православной міссіи Петра Исикава. Номеръ

обнимаетъ обыкновенно до 40 страницъ мелкаго шрифта и содержитъ въ себѣ обзоръ жизни всего христіанства, при чемъ явленія инославной христіанской жизни обязательно освящаются въ немъ съ православной точки зрѣнія. Для будущаго историка православной Церкви въ Японіи Сэнкё симпоо является однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ. Журналъ этотъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду христіанскихъ міссионерскихъ изданій всей Японіи. Въ англійскомъ журналь «Japan Daily Mail» печатаются разъ въ мѣсяцъ бібліографические обзоры религіозной прессы въ Японіи, и въ очень рѣдкомъ изъ такихъ обзоровъ мы не встрѣчаемъ самыхъ лестныхъ отзывовъ по поводу статей, помѣщаемыхъ въ Сэнкё симпоо.

2) Уранисики («Парчевая изнанка», терминъ для обозначенія скромности). Это ежемѣсячное изданіе было начато 15 ноября 1902 года. Издавалось оно при женской школѣ и содержало въ себѣ рядъ статей, полезныхъ для воспитанія въ православномъ духѣ японскихъ женщинъ. Въ 1909 году за недостаткомъ средствъ прекращено.

3) Существовалъ еще ежемѣсячный журналъ «Синъ-кан»—«Духовное Море», начатый 25 сентября 1893 года, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, за недостаткомъ средствъ, также прекращенъ.

4) «Православная Бесѣда», («Сэнкё ёсова»), ежемѣсячный журналъ, посвященный исключительно рѣчамъ, проповѣдамъ и религіозному выясненію истинъ въ цѣляхъ выработки у вѣрующихъ японцевъ христіанского мышленія. Это изданіе существуетъ по нынѣ.

3. Японская духовная семинарія.

Въ Японіи, какъ известно, преподаваніе религіи исключено изъ программъ народныхъ школъ, въ силу чего всѣ религіозные школы буддійскія, синтоистскія и міссионерскія считаются школами частными. Такое же положеніе занимаетъ и православная духовная семинарія. Она не даетъ

своимъ воспитанникамъ никакихъ служебныхъ или иныхъ правъ или преимуществъ, и потому необходимо считать, что поступающіе въ нее ученики преслѣдуютъ исключительно цѣли получения христіанского православного образованія. Курсъ ея семилѣтній. Число учениковъ варьируется въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ семинарія на содержаніе интерната, где проживаютъ всѣ воспитанники. Въ лучшіе годы число ихъ доходило до ста, въ худшіе уменьшается на половину. Въ первые годы существованія семинаріи, преподавателями въ ней состояли самъ архиепископъ Николай и русскіе члены міссіи, напримѣръ о. Гаврилъ (Чаевъ, 1870—1873), о. Владиміръ (Соколовскій, 1879—1886), о. Гедеонъ (Шокровскій, 1885—87), о. Сергій (Глѣбовъ, 1888—1904), о. Сергій (Старогородскій пытѣ архиепископъ Финляндскій, 1890—1894 и 1898). Позднѣе, когда возвращались въ Японію японцы, окончившіе курсъ въ русскихъ духовныхъ академіяхъ, они заняли мѣста преподавателей, и съ этого времени въ семинаріи преподаваніе прошло исключительно на японскомъ языкѣ. Въ настоящее время, когда переводческимъ отдѣломъ изданы почти всѣ необходимы для семинаріи учебники, воспитанникамъ сравнительно рѣдко приходится обращаться къ русскимъ пособіямъ, что же касается до учителей, то русская богословская литература и до сего дня служить для нихъ необходимымъ источникомъ знаній при разъясненіи всѣхъ сложныхъ богословскихъ вопросовъ. Въ данное время изъ окончившихъ духовныхъ академій преподавателями семинаріи состоять только трое: Сэнума Иванъ, Иасава Арсеній и Саїкаси Маркъ. Остальными преподавателями являются уже лица, окончившія курсъ семинаріи и прошедшія подготовительный къ преподаванію курсъ при самой семинаріи.

Вопросъ о подготовкѣ преподавателей семинаріи всегда чрезвычайно озабочивалъ покойнаго архиепископа, и ему доставляло

постоянную скорбь сознаніе невозможности должностнымъ образомъ оплачивать труды лишь, окончившихъ курсъ духовныхъ академій. Въ самомъ дѣлѣ Сэнума за всѣ обязанности ректора семинаріи и преподавателя двухъ предметовъ получалъ 60 руб. въ мѣсяцъ и казенную квартиру въ четыре маленькихъ комнаты. Иасава и Саїкаси за преподаваніе богословскихъ предметовъ, для которыхъ они должны пользоваться русскими источниками и зачастую составлять лекціи, получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Естественно при такомъ положеніи вещей, что удержать лицъ, хорошо овладѣвшихъ русскимъ языккомъ, на службѣ міссіи за такое ничтожное вознагражденіе представлялось чрезвычайно затруднительнымъ. Японское правительство предлагало имъ при надобности другія мѣста, и они уходили изъ семинаріи. Всего изъ японской православной міссіи получило высшее богословское образованіе въ Россіи 12 человѣкъ. Изъ нихъ только три названныхъ преподавателя семинаріи и о. Симеонъ Мін остались на службѣ воспитавшаго ихъ учрежденія. Остальные же ушли изъ міссіи на другую службу: Исиами Петръ—переводчикъ въ дипломатическую міссию; Кониси Дашиль—въ частную коммерческую фирму; Хигуци Емельянъ—учителемъ въ военное училище и затѣмъ переводчикомъ въ военное министерство; Сэёзи Сергій—агентомъ Южно-Маньчжурской ж. д., Кавасаки (Минамото) Андрей—въ Нагасаки—переводчикомъ; нѣсколько человѣкъ изъ кандидатовъ духовной академіи умерло.

Это бѣгство кандидатовъ духовныхъ академій изъ міссій дѣствовало на покойнаго владыку удручающее. Архиепископъ Николай, хотя и сознавалъ, что при возрастающей дороговизнѣ жизни въ Японіи многосемейнымъ преподавателямъ невозможно жить на тѣ средства, которыхъ уплачивала имъ міссія, но относился ко всякому оставленію прежнимъ питомцемъ міссіи съ глубокою скорбью. Это бѣгство лицъ выс-

шаго образования побудило его въ послѣдніе годы даже воздерживаться отъ командированія учениковъ семинаріи въ православная духовная академія, къ чему онъ самъ относился съ болѣшимъ сожалѣніемъ. Нужно надѣяться, что миссія отыщетъ средства и возобновить командированіе семинаристовъ въ духовную академію, что для роста православія въ Японіи безусловно необходимо.

Архієпископъ Николай до самыхъ послѣдніхъ дней жизни относился самымъ бдительнымъ образомъ къ ходу дѣлъ семинаріи, ректоръ которой почти ежедневно являлся къ нему съ докладомъ. Онъ совѣщался съ преподавательскимъ персоналомъ о всѣхъ необходимыхъ для семинаріи ученыхъ трудахъ, входилъ подробно во всѣ нужды школы и зналъ каждого изъ учениковъ въ лицо и поименно.

Ближайшимъ образомъ дѣлами семинаріи вѣдаеть совѣтъ преподавателей, который представляяя всѣ свои соображенія и нужды на разсмотрѣніе и утвержденіе архієпископа. Образованіе въ семинаріи дается очень основательное. Съ окончившими курсъ семинаристами можно разсуждать обо всѣхъ богословскихъ вопросахъ и получать отъ нихъ вполнѣ сознательные и свидѣтельствующіе о хорошей подготовкѣ отвѣты. Ученики упражняются въ произношеніи проповѣдей и, по свидѣтельству архієпископа, развитію ихъ чрезвычайно много способствуютъ такъ называемые «энзэцу-кан», т. е. собранія для произнесенія рѣчей и веденія дебатовъ. Эти собранія происходятъ во всѣхъ японскихъ школахъ постоянно, но кругъ обсуждаемыхъ вопросовъ строго ограничивается изучаемыми учениками предметами.

По окончаніи семинаріи воспитанники назначаются по большей части на должности катехизаторовъ, лучшіе же изъ нихъ оставляются при семинаріи для подготовки къ дѣятельности преподавателей.

4. Женская школа.

Женская миссійская школа построена по

образцу, до извѣстной степени, русскихъ епархиальныхъ училницъ, хотя въ значительной мѣрѣ приспособлена къ японскому быту женщины, для каковой цѣли воспитанницамъ даются гораздо большие практическихъ знаній по домоводству и хозяйству. Училница въ ней около 80. Они въ большинствѣ случаевъ—дочери православныхъ христіанъ, выходящія потомъ замужъ за православныхъ же. Преподавателями въ женской школѣ состоятъ въ старшихъ классахъ учителя семинаріи, въ младшихъ же классахъ и специальные предметы преподаютъ учительницы.

Миссія содержитъ еще одну православную женскую школу въ Кіото, где при трехъ учителяхъ имѣется около 20 училницъ.

Архієпископъ Николай придавалъ огромное значение существованію женскихъ школъ, такъ какъ православные японки отличаются большой религіозностью, и благодаря имъ Церковь получаетъ распространеніе въ странѣ. Нерѣдко бываетъ, что православная девушка выходитъ замужъ за язычника-японца, и въ такомъ случаѣ въ концѣ концовъ обыкновенно вся семья становится православною.

5. Катехизаторская школа.

Катехизаторская школа вызвана была къ жизни необходимости образованія контингента проповѣдниковъ и катехизаторовъ для дѣятельности въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, куда японское православное духовенство не могло постоянно проникать. Японскіе приходы раскинуты на большомъ пространствѣ, православныхъ храмовъ въ Японіи сравнительно мало, и потому громадное большинство общанъ довольствуется молитвенными домами, находящимися въ замѣдываніи катехизаторовъ. Въ катехизаторскую школу поступали обыкновенно на два или три года уже взрослые православные японцы, обнаруживавшіе стремленіе къ занятію богословскими предметами и проповѣдничеству. Здѣсь они проходили подъ руководствомъ тѣхъ же учителей семинаріи

и спеціальной для нихъ программѣ выработанный курсъ наукъ и затѣмъ назначались на мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ путемъ саморазвитія приобрѣтали очень основательные богословскія познанія и отдавались всею душой дѣлу проповѣди. Такимъ образомъ, институтъ катехизаторовъ, получившихъ образование въ катехизаторскихъ школахъ, былъ очень полезенъ и сослужилъ японской Церкви хорошую службу.

За послѣднее десятилѣтіе, однако, условія существованія японской православной Церкви, по отзывамъ самихъ христіанъ, сильно измѣнились. Прежде всего поднялъ голову буддизмъ во главѣ со своею sectою Хонганзи. Буддійская духовная академія начали выпускать серьезно образованныхъ проповѣдниковъ и бонзъ, которые фанатически борются съ христіанствомъ всюду, где они только замѣчаются въ населеніи склонность къ отпадению отъ буддизма. Отъ катехизаторовъ православія требуется поэтому теперь гораздо большая научная подготовка для борьбы съ буддизмомъ. Усиливается равнымъ образомъ и дѣятельность миссіонеровъ протестантскихъ и католическихъ, которые также не прочь иногда вступать въ публичныя собесѣданія и состязанія съ православными катехизаторами. Все это привело православную Церковь съ архієпископомъ во главѣ къ убѣждению въ недостаточности богословской подготовки, сообщаемой катехизаторской школой, и въ 1909 г. новый приемъ въ нее былъ закрытъ. Средства же, отлукавшіяся на катехизаторскую школу, обращены на развитіе работы въ духовной семинаріи, окончившихъ курсъ которой и постановлено назначать отсель впередъ на катехизаторскія должности.

6. Дѣтскій сиротскій приютъ и 7. Писонипскій отдѣлъ представляютъ собою учрежденія недавно лишь основаныя при миссіи и только еще развивающіяся.

8. Церковный хоръ.

Несколько не менѣйшей доли вниманія и трудовъ со стороны архієпископа Николая

и его сотрудниковъ требовали работы по созданію церковного хора и по урегулированію дѣла церковнаго пѣнія въ православной миссіи. Съ самаго начала основанія миссіи архієпископъ Николай придавалъ огромное значение перенесенію на японскую почву и русской православной музыки. Въ этомъ отношеніи сотрудниками его явились два лица: 1) покойный піиъ Я. Д. Тихай и 2) доселъ здравствующій дьяконъ Дмитрій Константиновичъ Львовский.

Тихай, получившій музыкальное образованіе въ регентскихъ классахъ при капеллѣ, приѣхалъ въ Токіо въ 1874 году въ качествѣ учителя пѣнія, въ 1876 году онъ женился на японкѣ, а въ 1883 году поступилъ вторымъ драгоманомъ въ дипломатическую миссію, совмѣщая вмѣстѣ должностіе писаломника посольской церкви. На него именно, подъ руководствомъ архієпископа, выпала первая организаціонная работа по устройству миссійского хора, и имъ былъ переложенъ съ китайского обиходъ одноголоснаго пѣнія всенощенаго бѣнія, литургіи и священныхъ требъ. Тихай оставался въ миссіи до 1885 года.

Д. К. Львовскій прибылъ въ миссію въ качествѣ учителя пѣнія въ 1881 году и немедленно же занялся вмѣстѣ съ Тихаемъ аранжировкою церковныхъ пѣсъ. Такъ, ими былъ изданъ обиходъ одноголоснаго пѣнія праздничной и пасхальной службѣ, и послѣ большихъ усилий они, наконецъ, организовали четырехголосный хоръ и издали четырехголосное изложеніе всенощенаго бѣнія, а затѣмъ четырехголосное же пѣніе литургіи и священныхъ требъ. Но отъѣздѣ Тихая изъ Японіи вся работа завѣдыванія церковнымъ хоромъ лежитъ до сего времени на дьяконѣ Львовскомъ. Путемъ долгихъ усилий Львовскій былъ приготовленъ и отправленъ архієпископомъ Николаемъ въ С.-Петербургъ японецъ Кису для изученія музыки въ здѣшней консерваторіи. Онъ является нынѣ помощникомъ Львовскаго. Былъ и еще одинъ молодой

человѣкъ, обучившійся пѣнію настолько, что могъ дирижировать хоромъ, но въ 1909 г. онъ похищенъ смертью.

Дѣло организаціи хора и переложеніе на нашу музыку церковныхъ текстовъ въ японскомъ изложеніи представляетъ собою огромная трудность, такъ какъ, во-первыхъ, японскіе тексты гораздо длиннѣе славянскихъ, во-вторыхъ, вся конструкція японскаго языка діаметрально противоположна нашей. Если обязанность спрашивается съ длиннотою текстовъ легла исключительно на Тихая и Львовскаго, то осмысливаніе пѣсъ въ первое время, по недостаточному знанію ими японскаго языка, составило работу преимущественно архіепископа. Чрезвычайную трудность для пѣнія представляеть собою, напримѣръ, японскій носовой звукъ «н», являющійся сокращеніемъ изъ слога «ну» или «му» и потому, по требованію японской просодіи, составляющій собою отдельный слогъ. Само собою понятно, какую страшную трудность для пѣнія представляеть собою этотъ, къ несчастію очень употребительный въ языкахъ слогъ, когда на него падаетъ въ мелодіи полтактъ или тактъ. Японцы признаютъ совершенно недопустимымъ игнорированіе этого слога, между тѣмъ тянуть цѣлый тактъ хору одну согласную «н» для нашей музыки равнымъ образомъ невозможнно. Съ такими и подобными трудностями приходилось бороться архіепископу и его сотрудникамъ въ дѣлѣ организаціи церковнаго пѣнія, но какъ бы то ни было, эти трудности были превзойдены, и хоръ православной духовной миссіи въ Токіо, въ составѣ болѣе ста душъ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, является украшеніемъ японской столицы и конкурируетъ даже съ хоромъ высшей музыкальной школы въ Токіо.

9. Библіотека.

Библіотека православной японской миссіи представляетъ собою по истинѣ удивительное учрежденіе. Какимъ образомъ арх.

Николай успѣлъ собрать такую чудную коллекцію книгъ, известно одному Господу Богу! Библіотека эта помѣщается въ специальномъ зданіи, построенному со всѣми противопожарными приспособленіями, какія только были возможны. Однихъ европейскихъ книгъ въ ней насчитывается свыше 12.000 названій, изъ коихъ большинство книгъ на русскомъ языкѣ, но много также книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ. Независимо сть этого существуютъ также особыя коллекція книгъ: японская и китайская.

Миссійская библіотека является удивительнѣйшимъ доказательствомъ аккуратнаго и любовнаго отношенія почившаго архіепископа къ миссійскому дѣлу и миссійской собственности. Каждая получавшаяся книга не только заносилась имъ *собственно-ручно* въ каталогъ, но послѣ переплета она даже самъ наклеивалась ярлыки и ставилъ книги на полки. Библіотека и до сихъ поръ, въ глазахъ православныхъ японцевъ, составляетъ какъ бы святынище, куда доступъ разрѣшается только лицамъ, преданнымъ научнымъ занятіямъ и стяжавшимъ себѣ полное довѣріе архіепископа. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ архіепископъ собственноручно въ назначенные часы выдавалъ книги изъ этой библіотеки, собственноручно записывалъ ихъ въ отпускной журналъ и собственноручно дѣлалъ отмѣтки о возвратахъ. Ясно, что при такомъ порядкѣ библіотека оставалась и остается въ идеальномъ порядке и сохранности. Только въ самое послѣднее время выдача и получение книгъ довѣрялась владыкою ректору семинаріи Сэнума.

Всякому понятно, какой огромной затраты силъ и энергіи со стороны архіепископа потребовало проведеніе въ жизнь вышеизложенной организаціи православной духовной миссіи. Ему недостаточно было только дать другимъ идею каждого изъ вышеназванныхъ учрежденій миссіи, но требовалось прежде всего самому лично стать и выполнителемъ этой идеи, продѣлать почти единолично всю черную учре-

дительскую работу, подготовить людей, которые могли бы продолжать начатое имъ дѣло, отыскать для учрежденія помѣщеніе и средства, выработавъ его бюджетъ, и постоянно соразмѣрять этотъ бюджетъ со средствами миссіи, всячески воздерживаясь отъ неосторожнаго расширенія дѣла, на веденіе котораго не хватало бы средствъ. Такъ, онъ самъ былъ первымъ переводчикомъ, онъ былъ первымъ ректоромъ, преподавателемъ и экономомъ семинаріи, вѣль катихизаторскіе курсы, организовалъ женскую школу и дѣтскій пріютъ и внушилъ способнымъ къ живописи японцамъ идею воспользоваться имѣющимися въ соборѣ образцами русской православной живописи и начать подражать имъ. Но эта вся работа была для архіепископа только радостью и утѣшениемъ, хотя протекала она далеко не въ легкихъ условіяхъ.

Окидывая общимъ взглядомъ всю жизнь почившаго арх. Николая, мы должны по чистой совѣсти сказать, что до послѣднихъ лѣтъ, она далеко не была усыпана розами, и въ этомъ отношеніи терновый вѣнецъ на него налагался одинаково и японскимъ и русскимъ обществомъ.

Въ Японіи, какъ уже известно, архіепископу приходилось всю жизнь до самыхъ послѣднихъ дней бороться съ ненавистью. На него, какъ на крупную фигуру, обрушилась вся злоба, душившая японское общество по отношенію къ Россіи до послѣдней войны. Начиная съ жреца Савабэ, желавшаго убить архіепископа, проявленіе ненависти со стороны японцевъ преслѣдовало владыку постоянно. Безъ преувеличенія миллионы газетныхъ статей за эти 50 лѣтъ объявляли его «rottanomъ», т. е. русскимъ шпиономъ. Православные христіане назывались въ Японіи: «Никоранъ но яцу», т. е. Николаевские негоды или «Суругадай но яцу», т. е. Суругадайскіе негоды. Всякій шагъ архіепископа на почѣ распространенія православія и апостольскаго служенія толковался печатью какъ зловредный для Японіи, всякое открытие

молитvennаго дома или церковной общинѣ трактовалось какъ расширение сѣти русскихъ шпионовъ, опасное для государственной независимости Японіи. Когда же архіепископъ вздумалъ соорудить Суругадайскій храмъ, то злоба японцевъ совершилъ не имѣла границъ. Строились самые фантастические планы для того, чтобы помешать постройкѣ церкви, причемъ все это дѣлалось на почѣ патріотизма. Въ расположеніи православного храма на высокомъ холмѣ Суругадая усматривали опасность для императорскаго дворца и чуть ли не оскорблѣніе величества. Если біографъ покойнаго архіепископа вздумаетъ когда-либо собрать всѣ тѣ клеветы, которыхъ распространяла про покойнаго японская пресса, то его изданіе займетъ десятки, если не сотни томовъ.

Только послѣ японо-русской войны отчасти подъ впечатлѣніемъ удовлетворенной національной гордости, отчасти на дѣлѣ убѣдившись, какъ далека была вся дѣятельность покойнаго владыки отъ политическихъ интригъ, японское общество начало смотрѣть на него разумнѣе и сознавать свою несправедливость. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характернымъ является отзывъ одной изъ самыхъ шовинистскихъ и русофобскихъ газетъ «Ниппонъ», напечатанный обѣ арх. Николаѣ въ 1909 году: «Если бы архіеп. Николай былъ рожденъ въ другой странѣ и принадлежалъ къ другой церкви, писала эта газета, онъ былъ бы высокоуважаемъ нашимъ народомъ, какъ талантливый иностранецъ, имѣющій самыя разнообразныя и тѣсныя отношенія съ японцами, оказавшій странѣ большія услуги и любящій послѣднюю, какъ свою вторую родину. Но какъ русскій по происхожденію и епископъ греческой Церкви, о. Николай пользуется, въ лучшемъ случаѣ, индифферентными отношеніемъ со стороны японцевъ». И этотъ отзывъ нельзя не назвать въ высокой мѣрѣ справедливымъ.

Каково же было отношеніе къ архіепископу Николаю со стороны русскихъ?

Намъ всѣмъ прекрасно извѣстно отношеніе русскаго общества къ Японіи до японо-китайской войны. «У всяаго, пишаль въ одной изъ своихъ статей архіепископъ, при упоминаніи объ японцахъ рисуется въ воображеніи только какая-то фигура въ халатѣ, смѣшино присѣдающая и хихикающая». Въ этотъ періодъ отношенія русскихъ къ архиеп. Николаю съ его занятіями японскимъ языккомъ и китайскою письменностью было въ лучшемъ смыслѣ снисходительно-насмѣшилово и покровительственное, какъ къ умственной ограниченности, въ худшемъ же совершенно презрительное. Намъ, занимающимся языками Дальнаго Востока, отлично еще памятны тѣ времена, когда открыто высказывались взгляды, что «заниматься иероглифическою письменностью и языками могутъ только идиоты», а обѣ японской прессѣ иначе не говорили, какъ только снисходительно искажая слова: «Ну что, какъ у васъ тамъ вани Ничи-Ничи» или «Жи-жи» или «Хоци-симбуны?»

Какъ на наглядный примѣръ того, насколько мало въ Россіи считались со взглядами архіепископа Николая на Японію и ея значеніе для Россіи, насколько мало цѣнили его занятія японскимъ языккомъ и придавали имъ какую-либо реальную стоянность, достаточно указать на фактъ полнаго небреженія его докладами и литературными трудами, имѣющими всецѣло общечеловѣческое значеніе. Въ 1869 году, напримѣръ, когда архіепископъ Николай ходатайствовалъ въ С.-Петербургѣ объ основаніи православной японской миссіи, имъ подана была директру тогдашняго Азиатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ дѣлъ Стремоухову записка, въ которой излагался обзоръ исторіи, религіи, государственного строя и условій жизни Японіи и доказывалась идея о большей государственной будущности этой страны, вполнѣ оправданная послѣдующими событиями. Въ этой запискѣ не имѣлось никакихъ ни секретовъ, ни политическихъ со-

общеній. И что же? Она пролежала въ архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ цѣлыхъ 39 лѣтъ, пока, наконецъ, какими-то судьбами оказалась извлеченою изъ пыли и напечатаною на страницахъ апгрѣльской книжки Русскаго Архива за 1907 г., подъ заглавіемъ «Японія». Докладная записка іеромонаха Николая П. Н. Стремоухову, 1869 г. «Можно ли искать большаго игнорирования человѣка, большаго пренебреженія къ его трудамъ надъ изученіемъ никому невѣдомой тогда Японіи?»

Если такъ относились къ дѣятельности архіепископа Николая сферы, ближайшимъ образомъ, казалось бы, заинтересованныя въ его работѣ, то о кругахъ, вообще скептически мыслящихъ о пользѣ миссіонерства, и говорить было нечего: имъ покойный владыка былъ прямо бѣльмомъ на глазу.

Такимъ образомъ дѣлавшаго свое прямое, святое культурное дѣло и ни въ чёмъ кромѣ этого неповинного архіепископа Николая травили съ двухъ сторонъ: японцы,—какъ русскаго политическаго агента, шпиона, агитатора, сбывающаго на японской почѣ измѣнну и симпатіи къ вѣроломнѣ, хищнической Россіи; русскіе,—какъ дѣятеля, сообщающаго Японіи о Россіи то, чего ей не нужно знать, подготавливающаго изъ японцевъ знатоковъ русскаго языка и расточающаго русскія деньги для того, чтобы подготовлять враговъ Россіи. Дѣятельность архіепископа объявлялась такимъ образомъ не только безполезною, но и вредною, а на него самого многіе въ Россіи смотрѣли просто какъ на охваченную страну маніей оригинала. Нечего и говорить, что работать подъ этими условіями въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ можно, только обладая нечеловѣческой силой воли.

Архіепископа Николая спасли для дѣла двѣ, руководившія имъ во всю жизнь, идеи: первая—идея апостольскаго служенія, по-другому распространенія православія среди язычниковъ; вторая—горячее убѣжденіе, добытое путемъ изученія исторіи Японіи и провѣренное опытомъ, въ томъ, что его

работа должна стоять въ всякой связи съ политикой, что она носить чисто религіозный характеръ и не допускаетъ никакихъ дѣловыхъ сношеній съ Россіей, кромѣ какъ на почѣ чистой религіи.

Кромѣ этихъ общихъ, крайне тяжелыхъ условій повседневной жизни, архіепископу выпадали отъ времени до времени тяжелыя испытанія и церковнаго нестроенія, съ которыми приходилось ему бороться не одною только ласкою, примѣръмъ личнаго подвига и настойчивостью, но и примѣненіемъ архіепископскаго права власти на благо и для спасенія дѣла японской православной Церкви.

Намъ очень мало извѣстно доселъ о внутренней жизни Церкви въ Японіи. Но нельзя сказать, чтобы она всегда шла совершенно гладко и спокойно, и чтобы архіепископу Николаю не приходилось перевживать тяжелыхъ минутъ.

Въ этомъ отношеніи много скорби до ставляло ему неумѣренное стремленіе молодыхъ членовъ японской Церкви къ ея самостоятельности и независимости отъ Церкви русской, такъ называемый вопросъ о «докурицу» (т. е. самостоятельности). Исходною точкою сторонниковъ этой идеи было признаніе справедливости тѣхъ упрековъ, которые дѣлались православной японской Церкви со стороны японскихъ патріотовъ, обвинявшихъ православныхъ японцевъ въ измѣнѣ отечеству и въ томъ,

что они существуютъ на получаемыя средства отъ Россіи, которая стремится якобы черезъ православіе распространить свое политическое влияніе на Японію и присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. Во времена поѣздки архіепископа въ Россію въ 1879—1880 г.г. эти реформаторы организовали специальное общество, называвшееся «Юсигикаи», т. е. «Общество, стремящееся къ справедливости», и выработали проектъ полнаго преобразованія церковнаго управления и особенно завѣдыванія ея деньгами. Подъ этимъ проектомъ подписался между прочимъ близкайший сотрудникъ архіепископа Николая о. Павель Савабэ

и затѣмъ катехизаторы Цуда, Ясуги, Канамори, Савабэ и др. Всѣхъ этихъ реформаторовъ, очень хорошихъ христіанъ, мы описывали какъ идеалистовъ, не имѣвшихъ никакого понятія ни въ управлении Церковью, ни вообще въ практической жизни. Ихъ чрезвычайно смущалъ фактъ получения Церковью денегъ изъ Россіи, про которое тогдашніе русофобы чрезвычайно любили говорить японской пословицей: «абу во цуцуите, хэби во дасу», т. е. потряси кустъ и вытрясешь змѣю (которая тебя ужалить).

Преосвященный Николай отлично сознавалъ всю незрѣлость и необдуманность подобныхъ стремленій. Онъ очень хорошо зналъ, что православная Церковь въ Японіи, не успѣвшая еще окрѣпнуть, не имѣющая ни монашества, ни достаточнаго числа лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, ни материальныхъ средствъ для содержания церквей, миссій съ ея учрежденіями и школами и духовенства, не въ силахъ пока существовать самостоительно; поэтому, по возвращеніи изъ Россіи, онъ принялъ въ отношеніи къ обществу «Юсигикаи» мѣры большой строгости. Отецъ Павель Савабэ былъ переведенъ изъ Токіо въ провинцію, иѣкоторые катехизаторы уволены со службы, а другіе удалены въ глухие приходы.

Идея о самостоятельности японской Церкви никогда не прекращала своего существованія въ ней, и архіепископъ являлся самымъ первымъ и горячимъ ея сторонникомъ. Но онъ строго, даже безпощадно относился ко всѣмъ тѣмъ японцамъ, которые подъ прикрытиемъ этой идеи фактически желали взять въ свои руки только завѣдываніе получаемою Церковью субсидіей. По отношенію къ такимъ лицамъ, у архіепископа былъ всегда только одинъ ответъ: «всѣ тѣ суммы, которыя собираются православные съ японцевъ, поступаютъ естественнымъ образомъ въ распоряженіе церквей и расходуются по усмотрѣнію приходскихъ совѣтовъ. Что же касается

до сумъ, получаемых изъ Россіи, то онъ находятся въ распоряженіи начальника православно-японской миссіи и распределеніе ихъ зависитъ исключительно отъ его усмотрѣнія.

Нельзя сказать, чтобы охотниковъ на завѣдываніе русской субсидіею въ японской Церкви было мало. Въ 1910 году сторонники этихъ притязаній, главнымъ образомъ міряне, составили даже особы вибѣборный засѣданія, о которыхъ въ газетахъ помѣщалось множество статей. Когда ихъ засѣданія окончились, то архіепископъ собралъ ихъ на общее совѣщеніе съ духовенствомъ и произнесъ большую рѣчь о необходимости для японской Церкви изысканія самостоятельныхъ средствъ для поддержанія своего существованія. При этомъ онъ прямо и открыто обратился къ инициаторамъ движенія съ подписнымъ листомъ, ваваля суммы ихъ годового заработка и потребовалъ, чтобы они здѣсь же подписались пропорционально своему достатку. Такимъ прямымъ оборотомъ дѣла они были такъ сконфужены, что не могли ничего отвѣтить, и одинъ изъ нихъ послѣ этого, кажется, даже вышелъ изъ православной Церкви. Архіепископъ же на другой день помѣстилъ за подпись своего секретаря въ лучшей японской газетѣ «Зизи-симпо» описание этого совѣщенія и изложилъ совершенно открыто вышеуказанный свой взглядъ на правильную, по его мнѣнію, постановку завѣдыванія церковными средствами.

Вопросъ о полученіи японскимъ духовенствомъ содержанія отъ прихода былъ всегда одною изъ самыхъ основныхъ заботъ архіепископа. Онъ не уставалъ говорить о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ и разсыпалъ о немъ цѣлый рядъ пастырскихъ посланій къ христіанамъ. Постановія эти чрезвычайно практичны, дѣловиты и поучительны и даютъ намъ совершенно ясное понятіе о материальномъ положеніи какъ японской православной Церкви, такъ и тамошняго духовенства, а

потому я позволю себѣ предложить вниманію читателей одно изъ такихъ посланий архіепископа съ разъяснительнымъ къ нему дополненіемъ.

Окружное письмо къ христіанамъ японской православной Церкви.

Возлюбленные братья и сестры во Христѣ, благословеніе Божіе да осеняетъ всѣхъ васъ, и да помогаетъ вамъ и всей Церкви Божіей возрастать изъ силы въ силу. Господь нашъ Иисусъ Христосъ, посланный Своихъ учениковъ на проповѣдь Евангелія, не вѣтъ имъ заботиться о ихъ пропитаніи, а сказалъ имъ, что служащіе и принимающіе ихъ будутъ питать ихъ. Вотъ слова Господа: «жатвы много, а дѣлателей мало... идите... не берите ни мѣшака, ни сумы, ни обуви... въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему... въ домѣ томъ оставайтесь, ъшьте и пейте, что у нихъ есть, ибо трудящіяся достоинъ награды за труды свои» (Лук. 10, 2—7. М. 10, 9—11). Что Господь установилъ, то всегда исполнялось, всегда и должно исполняться. Служащіе проповѣди отъ проповѣдниковъ должны питаться; вообще, служащіе Церкви отъ Церкви должны получать свое содержаніе. Но здѣсь, въ японской Церкви это еще не вошло въ обычай. Чтобы подать примѣръ христіанской благотворительности, иностранные христіане до сихъ поръ жертвовали на содержаніе здѣшнихъ проповѣдниковъ Евангеліе и всѣхъ служащихъ. Неизѣстно, долго ли это продлится; во всякое время японская Церковь должна быть готова принять своихъ служащихъ на полное свое содержаніе. Но теперь еще обычное пожертвованіе иностранныхъ христіанъ приходитъ; только съ постепеннымъ увеличеніемъ числа служащихъ Церкви и въ то же время съ постепеннымъ возрастаніемъ цѣнъ на всѣ жизненные предметы, сдѣлалось оно крайне недостаточнымъ; оттого наши проповѣдники крайне бѣдствуютъ. Почти отовсюду христіане просятъ

къ себѣ катехизаторовъ семейныхъ, и наши катехизаторы почти всѣ семейные. Попадаютъ же они отъ миссіи на свое содержаніе: катехизаторские ученики 10 іѣнъ¹⁾ въ мѣсяцъ, помощники катехизаторовъ 12 іѣнъ, катехизаторы 14 іѣнъ, и изъ нихъ самые многосемейные 16 и иногда 18 іѣнъ. Истинно удивляться нужно, какъ Господь хранить ихъ отъ голодной смерти, какъ они съ своими семействами пытаются, одѣваются и имѣютъ все прочее для жизни на такія малыя средства. Правда, въ нѣкоторыхъ церквяхъ христіане отъ себя оказываютъ помощь, но и это весьма недостаточно. Такъ не можетъ продолжаться далѣе. Возлюбленные братья и сестры! Умоляю васъ исполнить заповѣдь Божію, позаботьтесь о содержаніи вашихъ проповѣдниковъ. Если мы посыпали въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? (1 Кор. 9, 11), писалъ апостолъ Павелъ Коринтскимъ христіанамъ. Слово его простирается и къ вамъ о преподававшихъ вамъ Евангеліе душевнаго спасенія. Помогите имъ, кто чѣмъ можетъ: служащій государству—отъ своего жалованья, купецъ—стъ предметовъ своей торговли, земледѣлецъ—отъ плодовъ своей нивы, ремесленникъ—отъ своихъ издѣлій и пр. Кто богатъ, давай отъ своего избытка, кто бѣденъ, отдѣляй и отъ скудости своей. И всякий дѣлай это съ радостью, въ той мысли и въ той увѣренности, что это есть руками человѣческими приносимая жертва Богу, ибо по Божію повелѣнію и въ угоденіе Богу это дѣлается. Помни всякий, что это будетъ не только тѣлесная помощь проповѣднику, но и духовная: проповѣдникъ, получая тѣлесное, одушевится благодарностью и взыщеною любовью къ благотворящимъ ему и большою ревностию къ исполненію своей духовной обязанности; а отсюда произойдетъ большой успѣхъ проповѣди и оживленіе, и возрастаніе Церкви Божіей звѣздѣ, гдѣ это будетъ твориться. Итакъ, да возврѣтъ Господъ Свою благо-

дарію въ вашихъ сердцахъ ревность къ исполненію Его святой воли о проповѣдующихъ вамъ слово спасенія.

Архіепископъ Николай.

Нѣсколько времени спустя, владыко было разослано дополненіе къ этому письму, ставившее вопросъ о содержаніи духовенства на строго практическую почву. Вотъ это посланіе:

Возлюбленные братья и сестры.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да изливается обильно на васъ всѣхъ.

Въ окружномъ письмѣ я убѣждаль васъ, сообразно съ волею Божіе, позаботиться о содержаніи вашихъ катехизаторовъ. Чтобы усѣвшіе это было исполнено, считаю нужнымъ предложить вамъ въ руководство слѣдующія правила.

1) Непремѣнно всѣ смогрите на помоць, оказываемую въ содержаніи катехизаторамъ, какъ на пожертвованіе Богу, ибо это дѣйствительно есть таковое, какъ дѣлается по повелѣнію Божію и въ угоденіе Богу. Эта увѣренность удержитъ васъ отъ смущенія и неохоты жертвовать, если вы увидите, что катехизатор не всегда ревностно исполняетъ свои обязанности. Да не смущаетъ васъ это. Катехизаторъ отвѣтитъ Богу за свое небреженіе; вы же исполните свой долгъ, не переставая приносить Богу вашу жертву, и будете имѣть похвалу отъ Бога. Не переставайте приносить Богу разъ опредѣленное и объѣщанное даже и тогда, когда по какимъ-нибудь причинамъ катехизатора нѣтъ въ вашей церкви, напримѣръ, онъ посланъ священникомъ временно для проповѣди въ другое мѣсто, или же при распределеніи служащихъ Церкви, по недостатку катехизаторовъ, вы оставлены на нѣкоторое время безъ катехизатора. Сдѣлайте для себя обычаевъ, привычкою обѣщанное Богу непремѣнно приносить Ему, не смотря ни на какія обстоятельства,—и тогда основаніе самостоятельности вашей церкви будетъ положено; вы перестанете быть, какъ теперь, въ зависимости отъ ино-

¹⁾ 1 іѣнъ равенъ приблизительно 1 рублю.

странной Церкви, и въ постоянномъ опасеніи, что при внезапномъ отнятіи отъ васъ посторонней руки помощи, ваша Церковь подвергнется страшному бѣдствію потерять всѣхъ своихъ служащихъ. Считаю умѣстнымъ продолжить нѣсколько объ этомъ. Устроить содержаніе служащимъ Церкви предметъ не легкій. Трудность его испытывали у всѣхъ народовъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникла Церковь Божія. И нигдѣ не открыто другого лучшаго средства содержанія служащихъ церкви, какъ добровольныя пожертвованія людей, составляющихъ Церковь. И никогда, до скончанія міра, не будетъ открыто другого, болѣе совершенного, средства, потому что такъ установилъ Богъ, и не только устнымъ повелѣніемъ установилъ, но, когда явился въ человѣческомъ образѣ на землю, Самъ же подальше примѣръ подчиненія сему постановленію. Смотрите, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, немногими хлѣбами чудесно насыщавшій тысячи народа, Самъ съ Своими учениками, во время Своего земного служенія чѣмъ питался? чѣмъ содержался? Добровольными приношеніями слушавшихъ Его ученіе,—для чего у учениковъ Его былъ ковчежекъ, въ который влагались приношенія, употреблявшіяся на нужды Его и Апостоловъ, составлявшихъ въ то время число служителей Церкви. Всемогущій Господь могъ бы сотворить и указать сотни и тысячи способовъ содержанія служащихъ Церкви, но Онъ указалъ только одно приношеніе лицъ, составляющихъ Церковь. И причина сего такъ ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказалъ: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше» (Мате. 6, 21). Ты жертвуешь на Церковь сокровище твое, быть можетъ, тяжелымъ трудомъ дѣбътое тобою; понятно, что вмѣстѣ съ сокровищемъ твоимъ идетъ и сердце твое въ жертву Богу; ты непремѣнно и мыслишь и чувствомъ участвуешь въ дѣлѣ Церкви, а не остаешься холоднымъ зрителемъ его; итакъ, вмѣстѣ съ твою материальною помощью катехизатору, твоя мысль, твою

чувство, твое участливое слово, твоя молитва помогаютъ ему въ служеніи его. Такъ и творится общее дѣло церкви всѣми членами, составляющими Церковь; катехизаторъ и священникъ проповѣдью и священнослуженіемъ въ церкви творятъ это дѣло, ты трудомъ рука своихъ и душевнымъ участіемъ помогаешь въ семъ твореніи; благодать Господа, всегда пребывающаго въ Церкви Своей, навидимо соѣдѣствуетъ круговороту этого взаимнаго труда церковнаго; и такимъ образомъ совершается это духовное кроваобращеніе въ тѣлѣ Церкви, и тѣло растетъ изъ силы въ силу. Такъ ли теперь въ японской Церкви? Нѣть, не такъ. Теперь служащій церкви получаетъ содержаніе отъ миссіи и не считаетъ себя ничѣмъ обязаннѣмъ мѣстнымъ христіанамъ, оттого и истинное чувство любви къ нимъ и попеченія о нихъ не можетъ возбудиться у него; мѣстные христіане, ничѣмъ крѣпко не связанные съ нимъ, холодно относятся къ нему и его дѣлу; и церковное дѣло не творится какъ должно, такъ какъ нѣть къ нему досто-должнаго взаимнаго участія служащихъ церкви и христіан; оттого наши церкви такъ мало возрастаютъ, не являются себѣ оживленными, а находятся какъ бы въ полусонномъ состояніи. Совсѣмъ другое будетъ, когда христіане материальною помощью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сердечными участникемъ и добрымъ словомъ и совѣтомъ примутъ участіе въ дѣлѣ Церкви, а служащіе церкви, отвѣчая на все это сердечною признательностью и любовью, одушевляются къ исполненію своего служенія всѣми своими душевными силами. Кремень и сталь, близко лежа другъ къ другу, не даютъ искры и не дадутъ до тѣхъ поръ, пока не ударятся другъ о друга,—тогда только посыпятся искры, возжжется огонь и засияетъ яркимъ свѣтомъ.

2) Итакъ, въ удобное всѣмъ время, собравшись и помолившись Богу, разсудите, кто, что и сколько можетъ приносить на содержаніе служащихъ церкви. При семъ

буду говорить вамъ словами св. апостола Павла: «не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобы была равномерность» (2 Кор. 8, 13). При семъ скажу: кто сѣть скupo, тотъ скupo и ножнетъ. Каждый удѣляй по расположению сердца, не съ горечіемъ и не съ принужденіемъ; ибо доброхотно дающаго любитъ Бога. Богъ же силенъ обогатить васъ всякою благодатию, чтобы вы всегда и во всемъ имѣли всякое довольство, были богаты на всякое доброе дѣло, какъ написано: расточиши, раздаши нищимъ; правда его пребываетъ въ вѣкѣ (Псал. III, 9). Дающій же сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пищу подастъ обиліе посѣянному вами и уможитъ плоды правды вашей такъ, чтобы вы всѣмъ были богаты на всякую щедрость, которая чрезъ насъ приносить благодареніе Богу (2 Кор. 9, 6—11).

6) Если священникъ изъ всѣхъ церквей своего вѣдѣнія получить 10 іэнъ, которые должны ити въ дѣбавокъ къ его содержанію отъ миссіи, то излишокъ онъ пусть отсылаетъ въ миссію, изъ содержаніе церковныхъ учебныхъ заведеній. Церковь не можетъ обойтись безъ школъ, иначе число служащихъ церкви скоро оскудѣть. А на содержаніе школъ, съ возрастающими цѣнами на все, также стало недоставать жертвуемаго изъ Россіи. Да и это жертвуемое не всегда будетъ приходить; наступить времія,—и быть можетъ оно близко,—когда совсѣмъ прекратится эта иностранная помощь,—такъ что японской Церкви нужно готовиться и къ принятію этой статьи расхода на свои средства.

4) Какъ же распределить жертвуемое? По моему мнѣнію, на первый разъ слѣдующимъ образомъ:

Катехизат. учен.,	безсемейному,	въ мѣс. 1 іэнъ.
Катехизатору учен.,	семейному,	» 2 іэнъ.
Помощ. катехизат.,	безсемейному	» 2 »
	семейному	» 3 »
Катехизатору	безсемейному	» 2 »
	семейному,	» 4 »

Катехизатору изъ санѣтъ дѣякона, котораго содѣжаніе пынѣ 20 іэнъ, прибавить 5 іэнъ.

5) Въ окружномъ письмѣ я писалъ, что настоятельно нужно позаботиться о прибавкѣ содержаніе катехизаторамъ, отъ скучности содержанія, особенно бѣдствующимъ. Но и священники, которыхъ обыкновенное содержаніе нынѣ 25 іэнъ, также имѣютъ

нужду въ прибавкѣ къ сему; они всѣ семейные и почти всѣ многосемейные; при томъ же у нихъ бываетъ увеличение расходовъ оттого, что къ нимъ стекаются христіане ихъ церквей. Итакъ, по удовлетворенію особенно вспомоющей нужды катехизаторовъ, что останется отъ вышеизначенаго употребленія на нихъ, то мѣстная церкви пусть отсылаютъ священникамъ на добавление къ ихъ содержанію. Вездѣ, гдѣ найдется возможность, слѣдуетъ прибавить священникамъ къ нынѣшнему ихъ содержанію, по моему мнѣнію, не менѣе 10 іэнъ въ мѣсяцъ.

6) Если священникъ изъ всѣхъ церквей своего вѣдѣнія получить 10 іэнъ, которые должны ити въ дѣбавокъ къ его содержанію отъ миссіи, то излишокъ онъ пусть отсылаетъ въ миссію, изъ содержаніе церковныхъ учебныхъ заведеній. Церковь не можетъ обойтись безъ школъ, иначе число служащихъ церкви скоро оскудѣть. А на содержаніе школъ, съ возрастающими цѣнами на все, также стало недоставать жертвуемаго изъ Россіи. Да и это жертвуемое не всегда будетъ приходить; наступить времія,—и быть можетъ оно близко,—когда совсѣмъ прекратится эта иностранная помощь,—такъ что японской Церкви нужно готовиться и къ принятію этой статьи расхода на свои средства.

7) Христіане, жертвуя на содержаніе всѣхъ служащихъ церкви, имѣютъ право и должны ожидать, чтобы служащіе ревностно исполняли свои обязанности. Если катехизатор не дѣлаетъ этого, то христіане, устроивши церковное собраніе и основательно разсудивъ и уяснивъ недостатки въ служеніи катехизатора, т. е. что онъ лѣнитъся проповѣдывать язычникамъ, или не заботится о дальнѣйшемъ религіозномъ наученіи и руководствѣ христіанъ, или оставляетъ ихъ дѣтей безъ наученія вѣрѣ, и под., должны представить катехизатору, что они ожидаютъ отъ него достодолжнаго исполненія его обязанностей. Если катехизатор послѣ этого замѣчанія не исправится,

или, исправившись на короткое время, опять облѣнится, то церковный советъ долженъ представить дѣло священнику и просить его о вразумлениі ихъ катехизатора. Если же и вразумлениѣ отъ священника не обратить катехизатора къ болѣе дѣятельному служенію, то советъ христіанъ мѣстной церкви и священникъ представляютъ объ этомъ миссіи, которая исключаетъ катехизатора, какъ негодного къ служенію, изъ числа служащихъ церкви.

8) Для сбора, храненія и распределенія пожертвованій на служащихъ церкви вездѣ по церквамъ должны быть избраны христіане изъ ихъ среды, благонадежные старости, а ими заведены точныя записи, которыя во всякое время должны быть доступны обзору христіанъ и должны быть свидѣтельствуемы священникомъ и благочиннымъ при посѣщеніи ими церкви и по-вѣряемы ими въ присутствіи христіанъ.

Господь Богъ, въ прославленіи святого имени Своего въ любезномъ отечествѣ вашемъ и въ душевное спасеніе всѣхъ вѣсть, да поможетъ вамъ привести въ исполненіе нынѣ предлагаемое вами».

Архієпископъ Николай.

Далѣе архієпископу Николаю доставляло всегда скорбь сознаніе чрезвычайной трудности основанія въ японской Церкви монашества. Какъ епископу, такъ и его сотрудникамъ-русскимъ, Церковь безъ монашества представлялась всегда чѣмъ-то незаконченнымъ. Кромѣ того безъ монашества японская Церковь не можетъ надѣяться и на рукоположеніе туземнаго епископа, который могъ бы стать со временемъ въ главѣ ея. Архієпископъ и его сотрудники настолько были озабочены вопросомъ о насажденіи монашества въ японской Церкви, что пріобрѣли даже участокъ земли въ мѣстности Тоносава, въ горахъ Хакон, для того, чтобы устроить тамъ монастырь, но доселѣ на этомъ поприщѣ имъ не удалось ничего сдѣлать.

Архієпискому одно время казалось, что онъ совсѣмъ близокъ къ осуществленію

этой мысли. Въ восьмидесятыхъ годахъ его расположение пріобрѣть одинъ катехизаторъ, которого я не буду называть здѣсь по имени, обнаружившій чрезвычайныя дарованія и краснорѣчіе. По отзывамъ японцевъ, онъ обладалъ такимъ огнемъ въ словѣ, которое увлекало за нимъ всѣхъ слушателей, и кромѣ того отличался весьма строгимъ образомъ жизни. Архієпископъ Николай возлагалъ очень большую надежду на этого катехизатора, безгранично довѣряя ему и, по выраженію имъ желанію, постригъ его въ монахи и поставилъ іеромонахомъ. Его перевели для отправленія священническихъ обязанностей въ одинъ изъ важнѣшихъ кварталовъ Токіо, Коозимаци, где была устроена церковь. Здѣсь новый іеромонахъ обставилъ себя съ нѣкоторою пышностью, имѣлъ часто двухъ священниковъ, съ которыми служилъ соборнѣ, бралъ съ Суругадая изъ хора лучшіе голоса и имѣлъ въ своемъ распоряженіи много катехизаторовъ. Онъ проявлялъ большое усердіе къ проповѣди, и его таланты привлекали къ нему такъ много слушателей, что церковь въ Коозимаци въ одинъ годъ увеличилась вдвое. Кромѣ дѣятельности по церкви, въ Коозимаци были открыты тогда іеромонахомъ вторая катихизаторская школа и женское училище, куда было собрано значительное количество ученицъ и учительницъ.

Въ это время, пользуясь своимъ влияніемъ у архієпископа, іеромонахъ началъ уже проявлять отрицательныя стороны своего характера: самовластіе и чрезвычайную партійность. Онъ организовалъ вокругъ себя своихъ сторонниковъ и началъ обнаруживать неумѣренное честолюбіе. При соборномъ строѣ японской православной Церкви это не могло продолжаться долго, на соборахъ духовенство стало обращать вниманіе архієпископа на эту сторону дѣятельности іеромонаха. Далѣе въ Церкви начали циркулировать слухи о нарушеніи іеромонахомъ обѣта цѣломудрія, послѣ чего Церковь прямо потребовала отъ архієпи-

скопа производства слѣдствія и дознанія. Слѣдствіе было вс檄жено на одного пользующагося общимъ и полнымъ довѣріемъ Церкви діакона, который подтвердилъ справедливость обвиненій, и въ 1891 году съ іеромонаха былъ снятъ санъ. Обнаруженные имъ таланты и сформированіе цѣлой партіи сторонниковъ долго однако отражались на спокойствіи Церкви въ Коозимаци. Прихожане не желали подчиняться вновь назначенному священнику, и прошло значительное время, раньше нежели все успокоилось.

Съ тѣхъ поръ архієпископъ не считалъ возможнымъ ни одного изъ японцевъ посвящать въ монашество въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и только въ 1908 году, по представленію служащаго на Хоккайдо священника Романа Фукуи, былъ рукоположенъ въ іеродіакона уже пожилой катехизаторъ Моисей Минато. Это единственный японецъ, носящий нынѣ иноческій санъ.

Урегулированіе епископомъ неумѣреныхъ стремленій японской молодежи къ самостоятельности Церкви и неоправданіе іеромонахомъ, возлагавшихся на него архієпископомъ надеждъ, являются единственными случаями нѣкотораго раздора и несогласій во внутренней жизни японской Церкви, о которыхъ мнѣ удалось узнать во время пятилѣтняго пребыванія въ Японіи и общенія съ православными японцами. Нельзя не сказать, что для полуѣкового существованія цѣлой Церкви это удивительно малая сумма отрицательныхъ сторонъ.

V.

Дѣятельность архієпископа Николая въ области сближенія Японіи и Россіи.

Отдавъ свою жизнь просвѣщенію Японіи христіанствомъ, архієпископъ Николай вмѣстѣ съ тѣмъ оставался горячо любящимъ сыномъ своей родины. Когда онъ бѣжалъ молодымъ человѣкомъ въ Японію, его душа

жаждала одного только апостольского подвига. Но затѣмъ, познакомившись съ географіею и исторіей Восточной Сибири и выяснивъ себѣ исторію японо-русскихъ отношеній, онъ не могъ остатся и никогда не оставался безучастнымъ къ вопросу о сближеніи между Японіей и Россіей. Его существуѣ были чужды всѣ тѣ пріемы проповѣди, которые примѣнялись, напримѣръ, католическими миссіонерами, никогда не упускающими выгодъ земныхъ и не брезгавшими тѣмъ, чтобы служить политическими агентами въ угоду разнымъ европейскимъ государствамъ, но широта взорѣй заставляла архієпископа понимать, что и дѣло христіанской миссіи представляетъ собою не болѣе, какъ одну изъ формъ движенія западно-европейской культуры, и въ этомъ смыслѣ онъ считалъ и свою миссію работою на пользу сближенія между Японіей и Россіей. Въ статьѣ «Японія и Россія», опубликованной въ журналь «Древняя и Новая Россія» въ октябрѣ 1875 года, достойной быть написаною золотыми буквами, онъ высказалъ ясно свой взглядъ на японо-русскія отношенія. Для него, какъ миссіонера, центромъ связи между ними должно быть православіе. Вотъ его подлинныя слова:

«Жизнь человѣческая, — по преимущество, жизнь духа, и только въ области духовной могутъ быть связаны и отдалы нынѣ люди, и цѣлые народы истинно-прочною связью. Въ этомъ отношеніи духовная миссія, преслѣдующая и обязанныя преслѣдоватъ только духовныя, но никакъ не мірскія цѣли, имѣть тѣмъ не менѣе и важное политическое значение.

Счастлива будетъ Японія, если она, помимо католичества и протестантства, прямо приметъ истинное христіанство. Изѣжитъ она и папскаго гнѣта, и вмѣшательства въ государственный дѣлъ ея, изѣжитъ и протестантскаго дробленія, и вновь религіознаго разложенія на подобіе того, какое она переживаетъ нынѣ. Только истинное, неиспорченное людьми, Христово ученіе, неис-

мѣрѣ того, какъ оно проникаетъ въ умы, сердца и жизнь людей, даетъ прочную, непоколебимую основу и государственной стойкости, и благосостоянію.

«Желательно и для Россіи, чтобы съѣдка ся сдѣлалась единовѣрною ей. Это несомнѣнно закрѣпить самую прочную связь между двумя народами и дастъ возможность многіе и многіе вѣка идти рука объ руку во взаимной дружбѣ, всегда взаимно помогая и охраняя другъ друга» (стр. 229—230).

На пути къ достижению этой цѣли архіепископъ Николай не хотѣлъ знать никакихъ препятствій и вѣрилъ въ то, что рано или поздно, но Японія и Россія узнаютъ и поймутъ другъ друга. Еще въ 1869 г. по тому же поводу онъ писалъ:

«Вотъ и еще страна (т. е. Японія), уже послѣдняя въ ряду новооткрытыхъ: хоть бы здѣсь мы могли стать на ряду съ другими, не для соперничества и брані;—это не свойственно православію, но для того, чтобы предложить людямъ прямую истину, вмѣсто искаженной,—и ужели станемъ позади, сложа руки, или ограничимъ ничтожными дѣйствіями? «Въ Россії», говорятъ, «денегъ нѣть! А въ Гудѣ развѣ больше было денегъ, когда она высылала проповѣдниковъ во все концы міра? А въ Греціи развѣ больше нашего было средствъ, когда она просвѣщала Россію? «Людей тоже нѣть!» У какихъ-нибудь моравскихъ братій, которыхъ и самихъ-то не больше пяти-шести тысячъ, есть люди, чтобъ идти на проповѣдь къ лапландцамъ а у семидесятимиллионной Россіи людей нѣть! Боже, да когда же у насъ люди будутъ? И развѣ люди могутъ сами твориться, если ихъ не вызовутъ къ бытію? Отчего же ихъ не вызываютъ? Гдѣ творческія силы? Или онъ изсякли?... Нѣть, нѣть, тамъ вдали виднѣется живое, полное непочатыхъ силъ движеніе. По мановенію Царя, освобождаются миллионы, вливается духъ новой исторической жизни въ великий организмъ. Загорается заря новой дѣятельности и для

сердца этого организма—духовенства;—такая дѣятельность будетъ не отечественная только, она будетъ общемировая. Буду, дастъ Богъ, не заброшенъ и я здѣсь одинъ, обреченный на бесплодный одиночный трудъ. Съ этою надеждою я Жхаль сюда, ею семь лѣтъ живу здѣсь; обѣ осуществленія самая усердная моя молитва!» (Христ. Чтен. 1869, I, стр. 256—257).

По роду своей дѣятельности архіепископъ Николай могъ очень мало сдѣлать для изученія Россіею Японіи. Мы всѣ теперь знаемъ, что Россія, пока не грянула громъ, не желала знать Японіи, не хотѣла ее изучать и не придавала ей никакого значенія. Открывавшія Россіи глаза на Японію «Записки флота капитана Головнина», бывшаго полтора года въ плѣну у японцевъ, оставались никому неизвѣстными. Поданное покойнымъ академикомъ В. П. Васильевымъ еще въ 70-хъ годахъ представленіе въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, о необходимости открытия на факультетѣ восточныхъ языковъ кафедры японского языка, лежало безъ движения. Географическое общество не командировало въ Японію ни одной экспедиціи. Драгоманскихъ штатовъ при японской дипломатической миссіи почти не существовало. Въ Военномъ Министерствѣ не было ни одного специалиста по японскому языку. Что могъ при этихъ условіяхъ сдѣлать архіепископъ Николай? И все-таки онъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ.

Необходимость изученія Японіи для Россіи была вѣчнымъ сознаніемъ архіепископа Николая, и онъ не упускалъ положительно ни одного случая для того, чтобы свидѣтельствовать обѣ этой необходимости, настаивать на ней, просить, совѣтовать о ней и выяснять ея важность. Что же именно сдѣлано архіепископомъ въ этой области?

Прежде всего, дѣло православной миссіи поставлено архіепископомъ такъ, что безъ знанія японскаго языка и японской пись-

менности служить въ ней невозможно. Поэтому всѣ сотрудники архіепископа Николая, безъ исключенія, по прѣѣздѣ въ Японію садились за изученіе языка и достигали въ немъ большей или меньшей степени совершенства. Яковъ Тихай, напримѣръ, служилъ драгоманомъ дипломатической миссіи. Если же мы обратимся къ русской журнальной литературѣ обѣ Японіи, то увидимъ, что цѣлый рядъ статей обѣ этой странѣ написанъ именно учениками и сотрудниками архіепископа Николая. Такъ, напримѣръ, И. Сэнума помѣщалъ и помѣщаетъ свои корреспонденціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; Д. Кониси печаталъ статьи и переводы съ японскаго въ «Вопросахъ философіи и психологіи»; И. Сэнумою составлено «Практическое руководство къ самостоятельному изученію японскаго языка» для русскихъ.

Когда же послѣ японо-русской войны на изученіе Японіи въ Россіи стали обращаться нѣкоторое вниманіе, то можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ прїѣзжающіе въ Токіо и вообще въ Японію русскіе пользовались постояннымъ содѣйствиемъ покойнаго архіепископа и его учениковъ. Это фактъ вѣмъ намъ хорошо извѣстный. Выборъ моихъ личныхъ работъ для установленія системы практическаго изученія японскаго языка всегда дѣлался по совѣту архіепископомъ. Проведенная мною въ работахъ русская транскрипція совпадаетъ съ принимавшеюся покойнымъ владыкою, и отступленія отъ послѣдней, требовавшейся при систематическомъ проведеніи транскрипціи въ лексическихъ работахъ, опять-таки дѣлались мною болѣею частью по совѣщанію съ преосвященнымъ. Оставленный Восточнымъ институтомъ для приготовленія къ профессорскому званію В. М. Мендринъ издаетъ нынѣ переводъ японской исторіи «Нихонъ - гаиси». Выборъ этой исторіи также находится въ зависимости отъ вліянія архіепископа Николая, который придавалъ данному труду японскаго ученаго Раи Санъ-ё огромное зна-

ченіе для изученія исторіи сёогуната, съмъ въ свое время изучалъ ее и очеркъ изъ нея вмѣстѣ съ тремя другими японскими исторіями: Даи Нихонси, Кокусиряку и Иси напечаталъ въ свое время въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Извѣдшій недавно «Право-учительную Хрестоматію» для начальныхъ школъ Японіи, протоіерей Посольской церкви въ Токіо, о. Петръ Булгаковъ свои жалобы на трудность изученія японскаго языка заканчиваетъ словами: «и не приди со словомъ ободренія и совсѣта въ эти прямокритические минуты моей работы высокопреосвященный Николай, возможно, что я не удержался бы въ своемъ намѣреніи учить японскій языкъ, учить настолько, насколько позволяли силы и время». Въ этомъ же труѣ мы находимъ и письмо архіепископа, высказавшаго свой взглядъ на изданіе и его значеніе для Россіи. Нечего и говорить, что работа ректора семинаріи Сэнумы по составленію пособія для изученія японскаго языка была постоянно одуховляема советами архіепископа Николая. Я привожу въ данномъ случаѣ только три примѣры, которые знаю лично и видѣлъ въ теченіе пятнадцати пребыванія въ Токіо, но несомнѣнно, что русскіе унесли съ собою еще больше совсѣтовъ архіепископа обѣ изученіи японскаго языка и Японіи, оставшихся мнѣ неизвѣстными и полученныхъ ими во время бесѣдъ съ покойнымъ.

Наконецъ, мы не можемъ не остановиться на организаціи архіепископомъ цѣлой школы для изученія японскаго языка русскими мальчиками, командируемыми для этой цѣли изъ Восточной Сибири. Началось это дѣло такъ: за годъ или за два до начала русско-японской войны адмиралъ Алексѣевъ командировалъ въ Токіо двухъ мальчиковъ Федора Легасова и Андрея Романовскаго къ преосвященному Николаю для обучения ихъ японскому языку и грамотѣ въ духовной семинаріи. Владыка съ удовольствіемъ принялъ этихъ мальчиковъ, за содержаніе которыхъ мис-

сии уплачивались самые ничтожные суммы. Началась однако война, и оба этихъ мальчиковъ въ России совсѣмъ забыли. Высылка денегъ на ихъ содержаніе прекратилась, и епископъ имѣлъ бы полное право отправить ихъ на родину вмѣстѣ съ уѣзжавшими передъ войною русскими. Онъ, однако, такъ не сдѣлалъ. Наоборотъ, онъ убѣдилъ мальчиковъ оставаться въ Японіи, объяснивъ имъ всю важность изученія японскаго языка. И прошло цѣлыхъ три года, прежде чѣмъ наши восточно-сибирскія власти вспомнили о забытыхъ дѣтяхъ. Ихъ содержала, кормила и обучала все это время православная японская миссія и обучила настолько, что по первому же требованію они были въ состояніи выѣхать и занять мѣста переводчиковъ: одинъ—въ Харбинѣ, другой—въ Хабаровскѣ.

Этотъ примѣръ побудилъ Харбинскихъ и Хабаровскихъ властей командировать въ духовную семинарію уже цѣлый комплектъ русскихъ мальчиковъ, которые и обучаются доселѣ тамъ японскому языку и письменности.

Судьба этихъ мальчиковъ всегда сильно озабочивала архіепископа. Онъ чувствовалъ, что въ миссіи слишкомъ много прямого дѣла для того, чтобы удѣлять силы дѣлу стороннему, но признавая, что такая система командировкіи дѣтей въ страну является наилучшою изъ всѣхъ для подготовки русскихъ толмачей, онъ мирился съ неудобствами и продолжалъ работать. Его глубоко возмущали статьи дальневосточной прессы, настаивавшія на безполезности командинровокъ такихъ мальчиковъ въ Токіо, только потому, что некоторые изъ нихъ, оказавшись непригодными для изученія японскаго языка, были отправлены архіепископомъ обратно на родину. «Удивительно мало у насъ системы и выдержки, говорившей онъ по этому поводу. У русскихъ въ крови какой-то анархизмъ, не-премѣнно все ломать и разрушать до основанія. Скажемъ, построенъ домъ. Если онъ

неудовлетворителенъ, то раньше чѣмъ его сломать, нужно хорошенько обдумать, во-первыхъ, гдѣ жить во время постройки, во-вторыхъ, чѣмъ его замѣнить; у русскихъ же не такъ: прежде всего сломать, отмѣнить, уничтожить, разрушить, а по-томъ уже будемъ думать, что дѣлать дальше. Вотъ теперь съ этой школой: только что налаживается дѣло, только что ребята начинаютъ переходить на настоящую работу, учатся вмѣстѣ съ японцами, ходятъ въ японскіе классы, начинаютъ привыкать къ японской скорописи, только что дѣло налаживается, сейчасъ ужъ и закрывать. И опять останемся, какъ старуха въ сказкѣ: будемъ сидѣть предъ своей избушкой съ разбитымъ корытомъ».

Архіепископъ сильно желалъ развитія дѣла толмаческой школы въ Токіо, но онъ признавалъ для этого необходимымъ дать ей нѣсколько другую постановку, а именно, выдѣлить ее въ особое учрежденіе, усилить въ ней преподаваніе русскаго языка и русскихъ предметовъ и ввести для учащихся особую систему командировокъ, по которой дѣти, по усвоеніи японскаго языка и письменности настолько, чтобы учиться вмѣстѣ съ японцами, отсылались бы, каждый въ отдѣльности, изъ Токіо въ японскія школы въ провинцію на годъ или на два, гдѣ они усовершенствовались бы въ языкѣ, не видя ни одного русскаго и не слыша за это время ни одного русскаго звука. Для этого, конечно, онъ считалъ необходимымъ особое соглашеніе съ японскимъ правительствомъ.

Покойный владыка смотрѣлъ на дѣло сближенія Японіи и Россіи съ чисто-государственной и культурной точекъ зрѣнія и смотрѣлъ чрезвычайно широко. Онъ видѣлъ въ этихъ двухъ державахъ добрыхъ сосѣдей и считалъ, что отношенія между ними должны быть именно добрососѣдскія, для установлений которыхъ необходимо, чтобы и Россія знала Японію въ совершенствѣ и Японія знала Россію въ такой же мѣрѣ.

«Но что мнѣ дѣлать, говоривъ онъ, если всѣ преимущества для этого изученія лежатъ на сторонѣ Японіи. Японецъ страшно усидчивъ и работоспособенъ. Онъ при томъ горячъ. Онъ берется за каждое дѣло безотлагательно и ведетъ его настойчиво и неуклонно. И правительство, и общество, и отдѣльныя лица въ Японіи въ большинствѣ слушаючи таковы. Разъ что бы то ни было признано необходимымъ —конечно: находятся немедленно и средства, и деньги, и пути, и люди, и дѣло кипитъ. Существуетъ и еще нѣсколько условій, благопріятствующихъ изученію Россіи японцами. Во-первыхъ, японцы бѣдны, и они єдутъ поэтому повсюду, гдѣ только можно обеспечить для себя благосостояніе. Русскія владѣнія для нихъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно удобны, а потому и много японцевъ знаютъ по-русски. Во-вторыхъ, за время изученія, іероглифовъ японцы до такой степени тренируютъ свою память, что имъ изученіе всякой другой письменности представляется дѣломъ почти шуточнымъ, а сидѣть часами за книгою они привыкаютъ также съ самаго ранняго дѣтства, такъ какъ изученіе грамоты и усидчивость для нихъ представляются понятіями совершенно неотдѣлимъ: выучить іероглифы безъ усидчивости невозможно. Въ третьихъ, у японца существуетъ какая-то прирожденная илл., можетъ быть, выработанная тысячелѣтней культурой жаждѣ знанія. Онъ хочетъ все знать, все перечитать. На книги никто почти изъ нихъ не скучится тратить деньги, и только этимъ можно объяснить и огромный тиражъ японскихъ газетъ и то большое число изданій, которое выдерживаютъ ихъ книги. Словомъ, японцы, если и не всегда талантливые, то въ большинствѣ слушаючи трудолюбивые и исполнительные ученики, и въ этомъ—большой залогъ ихъ успѣха».

Къ области работъ, предпринятыхъ архіепископомъ Николаемъ въ цѣляхъ проповѣденія Японіи относительно православія, нужно причислить прежде всего его труды по переводамъ Священнаго Писания, бого-

служебныхъ книгъ и богословской литературы. Переводы послѣдней дѣлались исключительно съ русскаго языка, и отсюда мы естественно можемъ понять, что одна часть русской умственной сокровищницы стала уже достояніемъ японцевъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что первыя времена русской культурной исторіи главнымъ образомъ являются исторіей дѣятельности духовенства и что наша первая литература почти совпадаетъ съ литературою гомiletической, то окажется, что путемъ перевода нашихъ церковно-историческихъ и проповѣдническихъ трудовъ японцы знакомились и съ древней исторіей Россіи.

Переводами книгъ религиозного отдѣла, далеко, однако, не исчерпывается еще просвѣтительная дѣятельность архіепископа на почвѣ сближенія Россіи и Японіи. Архіепископъ старался вкладывать въ души своихъ питомцевъ любовь къ Россіи и необходимости культурнаго ея изученія, онъ распространялъ между юношами знаніе русскаго языка, никогда не уставалъ при слушаючи говорить о необходимости для православныхъ японцевъ изученія Россіи, которая является для нихъ матерью по вѣрѣ, и радовался, когда ученики Суругадайской семинаріи начали печатать въ японскихъ журналахъ переводы изъ русскихъ классиковъ. «Пусть переводятъ и читаютъ», говорилъ онъ. Узнавъ русскую литературу, узнавъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, графа Толстыхъ, Достоевскаго, нельзя не полюбить Россіи».

Эта сторона суругадайской работы очень мало извѣстна русскому обществу, но когда японскій историкъ русской литературы будетъ писать свой трудъ, или когда русскій историкъ всеобщей литературы будетъ изучать вопросъ о проникновеніи русской литературы въ Японію,—и толькъ другой должны будуть отмѣтить роль Суругадая.

Перечислить всѣ произведенія и изданія японцевъ, получившихъ образованіе въ Суругадайской духовной семинаріи и работаю-

ицкихъ надъ переводами русской беллетристики здѣсь нѣть возможности, такъ какъ это потребовало бы совершенно специальной библиографической работы. Я считаю нужнымъ однако указать хотя бы общій масштабъ, въ которомъ ведутся эти переводы.

1) Однимъ изъ самыхъ видныхъ переводчиковъ является Нобори Сёму, опубликовавшій недавно довольно пространную исторію русской литературы, являющуюся учебникомъ этого предмета въ духовной семинаріи, гдѣ Нобори состоитъ преподавателемъ. Раньше нежели приступить къ изданію этой работы, Нобори опубликовалъ цѣлую серію отдельныхъ переводческихъ работъ. Ихъ переведены нѣкоторыя произведенія: Сумарокова, Державина, Хемницера, Дмитриева, Измайлова, Жуковскаго, Крылова, Гончаровскій «Обломовъ», Пушкина: «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ»; «Арабъ Петра Великаго»; «Метель»; «Русалка»; «Борисъ Годуновъ». Гоголя: «Тарасъ Бульба»; Тургенева: «Бѣжинъ лугъ», «Собака»; графа Льва Толстого: «О Гоголѣ». Антона Чехова: «Тифъ»; Максима Горькаго: «На днѣ»; Короленка: «Огонь». Андреева: «Бездна»; «Въ туманѣ»; «Разсказъ о семи повѣщеныхъ». Куприна: «Мирное житѣе». Бориса Зайцева: «Тихія зорі». Бальмонтъ: «Крикъ въ ночи». Арицбашева: «Жена».

2) Далѣе мы можемъ назвать писательницу Сэнума Каё, которая работает надъ переводами съ русскаго вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, ректоромъ духовной семинаріи Иваномъ Санумой. Сэнума Каё изданы на японскомъ языкѣ переводы: Сеславина: «Разсвѣтъ счастья»; Достоевскаго: «Бѣдные люди» и друг. Года три тому назадъ г-жа Сэнума Каё издала небольшой томъ разсказовъ Чехова, который былъ встрѣченъ японскою критикою чрезвычайно симпатично.

3) Д. Кониси перевелъ «Крейцерову Сонату» гр. Льва Толстого.

Мнѣ представляется здѣсь же умѣстнымъ снять съ памяти архиепископа Николая

разъ навсегда всѣ тѣ обвиненія, которыя сыпались на него со стороны русской прессы и общества во время и послѣ неудачной войны нашей съ Японіей. Всѣ мы читали тогда жалобы, упреки и вопросы, обращавшіеся по адресу покойнаго архиепископа: «Почему именно онъ не указалъ Россіи на способность Японіи къ такой воспріимчивости къ европейской культурѣ, почему именно онъ не выяснилъ, что такое Японія по существу, почему онъ не заявилъ открыто и гласно, что она высококультурное государство? и пр. и пр.».

Я хочу теперь документально показать, что не архиепископъ не выяснялъ, а мы его не слушали; не онъ не печатали, а мы не читали; не онъ не говорилъ, а мы не внимали.

Еще въ 1869 году въ «Русскомъ Вѣстнику», въ ноябрьской книжкѣ въ предисловіи къ статьѣ «Сёгунъ и мікадо» на страницѣ 207-й, послѣ приведенныхъ уже мною ранѣе словъ о хихикающемъ японцѣ, іеромонахѣ Николай, писалъ. «Но это ли японецъ какъ онъ есть? Кто пообѣщаетъ этой фигурѣ въ близкомъ будущемъ мѣсто въ кругу цивилизованныхъ народовъ, кому не покажутся загадочными даже эти во-очію совершившіе факты, что японцы всего 15 лѣтъ тому назадъ казавшіеся такими же непробудно-сонными и неподвижными, какъ китайцы, въ настоящее время имѣютъ уже военный флотъ паровыхъ судовъ, на которомъ ни человѣка европейцевъ, имѣютъ специалистовъ ученыхъ, получившихъ дипломы въ европейскихъ школахъ, механическія заведенія, могущія собственными средствами соорудить пароходъ, наконецъ либеральную конституцію съ выборнымъ началомъ въ основаніи. А между тѣмъ эти факты какъ нельзя болѣе естественны и странно было бы, если ихъ не было. Но чтобы судить такъ, нужно изучить не костюмы и вѣнчаніе пріемы японца, а его духъ въ историческомъ развитіи, изучить его литературу».

Шесть лѣтъ спустя въ 1875 году въ

журналѣ «Древняя и Новая Россія», въ октябрьской книжкѣ, въ статьѣ «Японія и Россія» архимандритъ Николай, давая характеристику Японіи и японцевъ (на стр. 224—225) высказался еще болѣе определенно. Вотъ его подлинныя слова:

«Итакъ, будетъ ли странностью, если мы скажемъ, что японскій народъ—весьма развитой народъ, въ массѣ не уступающій по развитію самымъ образованнымъ народамъ земного шара? Конечно, читающій европеецъ всегда можетъ найти для чтенія такую умную книгу, какихъ до послѣдняго времени не было въ Японії; но за то читающій и не столь умная книга японецъ несомнѣнно стоитъ гораздо выше и по уровню образования и развитія, чѣмъ не читающій европеецъ,—японецъ же почти всякий читаетъ. Вообще, Японія въ этомъ отношеніи похожа на Америку, гдѣ если наука не достигаетъ такой глубины и высоты, какъ въ наиболѣе образованныхъ государствахъ Европы, за то распространена шире, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ.

«Свобода и самостоятельность японского народнаго духа, японская национальная гордость, значительный уровень умственного развитія и вмѣстѣ свѣжестъ и бодрость народа — служатъ двигателями современного прогресса Японіи, столь изумительного для всѣхъ, наблюдающихъ его. Цѣлые вѣка японцы, убаюкиваемые своими национальными ученіями, дремали въ сладкомъ сознаніи, что они—первая нація въ мірѣ, потомки небесныхъ боговъ, что другие народы—варвары, стоящіе вѣнчаній боговъ и проч. Велико было удивленіе ихъ и крайне непріятенъ уколъ для ихъ самолюбія, когда, съ открытиемъ страны для иностранцевъ и особенно съ того времени, какъ сами стали посыпать иностранныя земли, они увидѣли, что они совсѣмъ не единственная почтенная нація въ мірѣ, что есть много другихъ весьма почтенныхъ націй, и что тѣ, кого они считали варварами, напротивъ далеко ихъ превосходятъ умственнымъ и политическимъ развитіемъ. Но не слѣпы были японцы, чтобы стать упорствовать въ отрицаніи этой столь очевидной истины, — не вялы, чтобы терять время въ безплодномъ уныніи. Они, такъ сказать, быстро перемѣстили центръ тяжести своей национальной гордости, поставивъ отнынѣ для себя лестной задачею—возможно скорѣе догнать опередившіе ихъ народы,—и вотъ—столько надѣлали въ продолженіе 20 лѣтъ, что въ исторіи другихъ народовъ едва ли найдутся достойныя параллели.

«Исторія японскаго народа не знаетъ пораженій; национальный духъ японцевъ не ослабленъ никакими вѣнчаніями несчастіями, никакимъ униженіемъ передъ вѣнчаннымъ врагомъ. И потому, что удивительнаго, если они до послѣдняго времени смотрѣли на себя, какъ на самый великий народъ въ мірѣ, и съ пренебреженіемъ относились къ всѣмъ другимъ народамъ и царствамъ!»

«Однако, это далеко не было тѣмъ глупымъ самодовольствомъ и неисправимымъ самомнѣніемъ, которое для многихъ другихъ народовъ дѣжалось и дѣлается источникомъ великихъ народныхъ бѣствий и униженія. Достаточно было въ 1867 году нѣсколькихъ удачныхъ выстреловъ съ англійскихъ кораблей, не по японскому национальному флагу, а по прибрежнымъ батареямъ и судамъ двухъ удѣльныхъ князей, Нагато и Сацума, чтобы весь японский народъ встрепенулся. Осмотрѣвшись, японцы увидѣли и тотчасъ сознали, что они въ военному дѣлѣ до того отстали отъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ, что весьма легко могутъ быть побиты, могутъ потерять многое. Этюю ясностью взгляда и трезвостью сознанія японскій народъ обязантъ тому, что онъ, при многихъ другихъ хорошихъ качествахъ, исторически пріобрѣтенныхъ, обладаетъ еще качествомъ замѣчательнаго умственнаго развитія» (Ів. стр. 222—223).

Можемъ ли мы послѣ этого сказать, что

архієпископъ не выяснялъ сущности Японіи для Россіи и не соvѣтовалъ обѣйтъ державамъ мирно добросоsѣдскихъ отношеній, предоставляемъ, само собою, дѣлать выводы русскимъ читателямъ, каковою будетъ Японія, при той характеристицѣ, которую даваль онъ ей, если вмѣсто дружественной державы она окажется врагомъ.

Сближеніе Россіи съ Японіей, свидѣтельствами которого являемся мы въ послѣдніе годы, также не было для архієпископа новостью. Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно дѣло къ этому придется, и открыто высказалъ свой взглядъ на это ровно за 30 лѣтъ до заключенія англо-японского союза. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу:

«Все, что дѣлается въ Японіи, болѣе чѣмъ всякое другое государство, должно интересовать Россію, какъ непосредственную сосѣdkу ея на крайнемъ востокѣ. Оба государства — молодыя, полныя свѣжихъ силъ и надеждъ на долгую историческую жизнь. Притомъ же, оба — совершенно различные по своему географическому положенію, вслѣдствіе чего въ будущемъ они могутъ только помогать другъ другу, но не встрѣчаться одно съ другимъ на перекрестныхъ дорогахъ и не мѣшать одному другому».

«Японія — морская держава, это — Англія будущаго. Многочисленность ея народонаселенія при тѣснотѣ территоріи и живая предпримчивость народа предвѣщаютъ въ весьма близкомъ будущемъ широкое развитіе ея мануфактуръ и ея виѣшней промышленности, при чемъ и въ торговыхъ интересахъ и, по всейѣвѣроятности, въ необходимости кое какихъ территориальныхъ пріобрѣтеній на моряхъ, какъ для нуждъ своихъ флотовъ, такъ и для колонизаціи, она не замедлитъ столкнуться съ Англіею и другими государствами, сильными на моряхъ».

«Россія, напротивъ континентальная держава, не имѣющая ни морской торговли,

ни колоній. Въ будущемъ ей предстоитъ такой долгій и такой многоплодный трудъ надѣлъ разработкою ея собственныхъ богатствъ и надѣлъ развитіемъ внутренней промышленности, что на многіе вѣка не предвидится возможности для Россіи искать себѣ дѣла и вмѣстѣ насущнаго хлѣба, подобно Англіи, преимущественно въ заграничной торговлѣ и въ развитіи колоній. Избытки ея внутреннихъ богатствъ, конечно, станутъ литься заграницу, равно какъ изъ-за-границы не перестанетъ поступать то, въ чемъ она сама нуждается. Но это не будетъ главною задачею въ ея исторической жизни, это будетъ то, въ чемъ Японія же можетъ приносить ей существенную пользу, равно какъ и сама получать выгоду отъ того. Словомъ, положеніе обоихъ государствъ такое, что имъ, повидимому, въ будущемъ предстоитъ только пріязнь, дружба и взаимные услуги». («Японія и Россія», стр. 228—229).

Этимъ убѣждениемъ покойный архієпископъ оставался вѣрнымъ до гроба. Онъ признавалъ, что между Россіей и Японіей нѣть никакихъ существенныхъ поводовъ для разногласій, никакого столкновенія интересовъ, затрагивающаго жизненные потребности обѣихъ націй, и потому смотрѣлъ на минувшую войну какъ на простое недоразумѣніе, явившееся слѣдствіемъ взаимнаго непониманія. И потому и послѣ войны, какъ и до нея, онъ по прежнему твердилъ русскимъ о необходимости неуклоннаго изученія Японіи. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ письмѣ къ генераль-губернатору Унтербергеру онъ писалъ о необходимости изученія Японіи такъ:

«У всѣхъ большихъ европейскихъ народовъ давно уже написались ученые, которые написали для своего отечества многіе томы объ Японіи и во всѣхъ отношеніяхъ познакомили свое отечество съ нею. Не говоря уже о научномъ интересѣ этихъ трудовъ, польза отъ нихъ велика. Напри-мѣръ, не поставила бы Англія Японію о плечо съ собою, если бы глубоко не узнала,

что она достойна этого; не было бы и нашей несчастной войны съ Японіею, если бы мы глубже знали Японію».

VI.

Японская Церковь во время русско-японской войны.

Я перейду теперь къ самымъ тяжелымъ годамъ жизни архієпископа Николая въ Японіи, вызвавшимъ на него со стороны какъ японскаго, такъ и русскаго общества всего болѣе нареканій и въ результатѣ послужившимъ къ наивысшему его прославленію. Это — годы русско-японской войны. Раньше нежели говорить о доблестномъ поведеніи въ этотъ періодъ архієпископа, мы должны будемъ остановиться на нѣкоторое время на вопросѣ объ отношеніи въ эти годы къ японской православной Церкви японскаго общества.

Нужно было ожидать, что Церковь эта, соборъ которой господствуетъ надо всѣмъ Токіо, привлечетъ на себя всѣ взгляды и въ разгарѣ первыхъ страстей, возбужденныхъ войною, станетъ ближайшою мишенью самыхъ не сдержанныхъ и злыхъ атакъ. Такъ дѣйствительно и было: нѣкоторая часть японской прессы совершенно не знала удержу въ проявленіяхъ злобы противъ правительствомъ, то другая повела свои нападки еще далѣе, противъ всей православной Церкви въ самомъ ея существѣ. Ея обряды, связанные съ почитаніемъ иконъ, трактовались печатью какъ суевѣрія, пустой формализмъ и пр. и пр. Газета «Ямато», напримѣръ, съ ожесточеніемъ нападала на самыя христіанскія таинства и, между другими пунктами, въ вопросахъ, предлагаемыхъ новообрашаемымъ христіанамъ во время совершенія крещенія, находила преступленіе, прямо предусмотрѣнное въ японскомъ уголовномъ законодательствѣ. Въ вопросѣ, предлагаемомъ обращаемому въ православіе японцу: «стрицаешь ли отъ суевѣрія буддизма и синтоизма?» и гдѣ дальнѣе излагаются подробности различныхъ суевѣрій, въ концѣ чина обращенія въ

Россіей и получала отъ послѣдней материальныя средства, на которыхъ существовала. Она была поэтому, взятая въ цѣломъ, только вѣтвью русской Церкви. Черезъ Святѣйшій Сѵнодъ, въ которомъ предѣдѣтельствуетъ мірянинъ, какъ представитель русскаго Императора, японская православная Церковь находилась всецѣло въ рукахъ русскаго правительства. Ея епископъ и священники, какъ и ихъ русскіе собратья, были только агентами, оплачиваляемыми какъ чиновники и повиновавшіеся получаемымъ инструкціямъ».

Та же самая газета въ другой статьѣ, обращенной къ православнымъ японцамъ, соvѣтовала имъ оставить то гибельное положеніе, въ которое они себя поставили черезъ свою связь съ Церковью православною, «фактическою главою которой является русскій Императоръ. Перемѣнившись въроисповѣданіе, они могли бы, по мнѣнію газеты, также хорошо исповѣдывать христіанство и въ то же время избѣжать тѣхъ опасностей, которыя суть имъ связь съ Церковью русской».

Если одна часть японской прессы занималась во время войны главнымъ образомъ вопросомъ о политическихъ отношеніяхъ между православною Церковью и русскимъ правительствомъ, то другая повела свои нападки еще далѣе, противъ всей православной Церкви въ самомъ ея существѣ. Ея обряды, связанные съ почитаніемъ иконъ, трактовались печатью какъ суевѣрія, пустой формализмъ и пр. и пр. Газета «Ямато», напримѣръ, съ ожесточеніемъ нападала на самыя христіанскія таинства и, между другими пунктами, въ вопросахъ, предлагаемыхъ новообрашаемымъ христіанамъ во время совершенія крещенія, находила преступленіе, прямо предусмотрѣнное въ японскомъ уголовномъ законодательствѣ. Въ вопросѣ, предлагаемомъ обращаемому въ православіе японцу: «стрицаешь ли отъ суевѣрія буддизма и синтоизма?» и гдѣ дальнѣе излагаются подробности различныхъ суевѣрій, въ концѣ чина обращенія въ

православіе спрашивается: «стрицаешься обоснованныхъ популярныхъ обвиненій отъ всѣхъ боговъ и будь этой религіи, отъ ихъ ложного и извращенного ученія во всей полнотѣ и частностихъ: проклинаешь ли ихъ и илюешь ли на нихъ?» (Kore wo nogo oyobi kore ni tsubaki suru ka). Редакторъ при этой фразѣ терьяетъ всякое самообладаніе: «Можно ли, говорить онъ, допустить въ богослужебномъ обрядѣ что-либо болѣе дикое и отвратительное?» Даѣе онъ приводить статью 268 уголовнаго законодательства, которая формулируется такъ: «виновные въ публичномъ неуваженіи къ синтоистскимъ и буддійскимъ храмамъ, могиламъ и мѣстамъ, посвященнымъ культу, подлежать штрафу отъ 2-хъ до 20 іенъ». Послѣ этого онъ прибавляетъ: «фраза, которую мы только что привели, употребляемая въ открытомъ богослужебномъ обрядѣ, не представляеть ли собою тяжелаго оскорблениія по отношенію къ нашимъ національнымъ религіямъ? Не является ли она, по крайней мѣрѣ, подстрекательствомъ къ ненависти и къ дѣйствіямъ противъ этихъ религій?» По этому поводу редакторъ припоминаетъ, что на задѣ тому нѣсколько лѣтъ одинъ житель Мияги-кэнъ, получивъ крещеніе въ русской Церкви, не нашелъ ничего болѣе безотлагательного, какъ буквально выполнить вмѣстѣ съ 10 другими христіанами названное предписаніе греческаго ритуала. Они отправились въ мѣстный буддійскій храмъ, вытащили изъ него статую Фудоо, покрыли ее плевками, подвергли всевозможнымъ издѣвателствамъ и, наконецъ, раздробили въ куски. «Эти проявленія дикости, заключаетъ авторъ, не представляютъ ли собой естественный результатъ нетерпимости религіи, которая учитъ презрѣнію и оскорбительному отношенію къ божествамъ страны?»

Изъ этихъ нападокъ на православную Церковь, помимо отдельныхъ замѣтокъ въ ежедневныхъ газетахъ, которая характеризуются только бранью и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же легкомысленныхъ и не-

вій религіи и нравственности, при чемъ подъ послѣднею Иноуэ разумѣеть не ту условную мораль, которая ограничивается чисто вѣшними правилами, обрядами или какимъ-либо этикетомъ, но нравственность, обеспечивающую сердечный миръ и дающую прочныя основы для жизни. Представляется заблужденіемъ, по взгляду Иноуэ, вопросъ о религіи будущаго связывать съ вопросомъ о какой-либо изъ нынѣ существующихъ религій, напримѣръ, съ буддизмомъ или христіанствомъ. Ошибочно также думать, что нужно непремѣнно принадлежать къ той или иной религіи, такъ какъ раньше чѣмъ существовали эти послѣднія, была уже религія естественная. Правда, она была полна суевѣрій, но это не мѣшаетъ дѣлу. Идеаломъ профессора Иноуэ является очищеніе этой первобытной религіи отъ всѣхъ суевѣрій, и тогда только будетъ получена истинная религія, сливающаяся съ нравственностью, словомъ, религія идеальная.

При свѣтѣ этихъ руководящихъ идей профессоръ Иноуэ въ названномъ журналь «Shin Bukkyo» обрушился со всемъ силою на православіе. Онъ говоритъ, что русско-японская война повлечетъ за собою полнѣшую революцію въ религіозныхъ идеяхъ европейскаго міра. «Хотя настоящая война, пишетъ онъ, по единодушному взгляду всей японской націи, не имѣть ничего общаго съ войною религіозною, но съ русской точки зрѣнія дѣло представляется совершенно иначе. Всѣ тѣ богослуженія и религіозныя торжества, которыя имѣли мѣсто въ Россіи въ связи съ отправлениемъ войскъ и генераловъ, всѣ тѣ молитвы, которыми безостановочно просятъ о побѣдѣ, мысль, что «Святая Русь» сражается на Дальнемъ Востокѣ съ народомъ буддійскимъ, «врагомъ христіанскаго имени»—все это даетъ настоящей войнѣ, рассматриваемой съ точки зрѣнія нашего противника, характеръ войны религіозной и святой. Но если посмотреть на результаты всѣхъ этихъ молитвъ, богослуженій и религіозной помпы,

то легко прийти къ заключенію, что они оканчиваются лишь безпрерывною серіею пораженій и постояннымъ тріумфомъ «врага христіанскаго имени». Это первое заключеніе. Второй выводъ, равно очевидный, сводится къ тому, что Россія, не смотря на всѣ претензіи монополизировать въ свою пользу титулъ религіозной націи, на практикѣ представляется какъ только возможно далеко отъ идеала религіознаго народа. «Не упоминая уже о Кишиневской рѣзни и о потопленіи въ 1900 г. многихъ тысячъ китайцевъ въ Благовѣщенскѣ, самые отчеты о настоящей кампаніи не доказываютъ ли намъ почти ежедневно вѣроломство, безнравственность и жестокость русской арміи? Злоупотребленіе флагами Краснаго Креста, изуродованіе труповъ, грабежи и насилия женщинъ и проч., всѣ эти факты обычны въ жизни русскихъ отрядовъ. Представляется поэтому довольно страннымъ, что нація, ведущая себя подобнымъ образомъ, претендуетъ на название христіанскаго народа и на то, чтобы небо покровительствовало успѣху ея оружія».

«Ясно, пишетъ Иноуэ, что надъ всѣми религіями и надъ всѣмъ разнообразіемъ вѣрованій царить одно верховное правило, соответствіенно съ которымъ и оцѣниваются въ концѣ концовъ человѣческія дѣйствія и предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ религіозныя названія. Это правило составляетъ мораль, составляетъ человѣчность, гуманность. Взглядъ, что правда находится на сторонѣ тѣхъ, кто только носить имя христіанъ, представляетъ собою одну изъ тѣхъ грубыхъ иллюзій, которымъ настоящая война нанесетъ смертельный ударъ».

«Религія не является только пустымъ названіемъ, но требуетъ для себя постоянніхъ упражненій. Она состоить въ строгомъ выполненіи требованій религіозной совѣсти. По поводу японскихъ побѣдъ нѣкоторые выражались, что японцы одерживаютъ ихъ потому, что они—христіане на дѣлѣ, тогда какъ русские таковыми не являются. Заинтересованность цѣли писа-

телей этого класса слишкомъ очевидна. Нѣть, пишетъ Иноуэ, нашъ триумфъ нисколько не исходить изъ духа христіанства. Большинство нашихъ солдатъ—буддисты, и христіанство въ армїи считаетъ своими представителями полное меньшинство. Духъ, создавшій настъ такими, какими мы теперь являемся, имѣеть своими источниками буддизмъ, конфуціанство, преданія рыцарства или самурайства (бусидо) и прогрессъ нашего образованія. Эта духъ, ясно доказанный настоящей войною, нисколько и ни въ чёмъ не уступаетъ духу христіанства. Проникая собою практическую дѣятельность, онъ воплощаетъ въ себѣ то, что я считаю истинной религіей. Тогда какъ Россія, которая придаетъ такъ много значенія пустому названію религіи, совершенно не имѣеть понятія объ ея сущности, этою сущностью владѣемъ мы, хотя и не носимъ никакого формального религіознаго названія. Если двѣ націи, столь христіанскія, какъ Англія и Америка, выражаютъ намъ свои симпатіи въ настоящей войнѣ, то это уже знакъ, что старый предразсудокъ, придававшій таѣ много значенія пустымъ религіознымъ названіямъ, исчезаетъ. Религія, довольствующаяся только однимъ названіемъ, не больше какъ трупъ религіи, истинная же религія заключается всецѣло въ жизненной практикѣ, и на этой именно почвѣ будуть базироваться отнынѣ симпатіи и антипатіи народа къ народу».

«Въ мірѣ, продолжаетъ Иноуэ, въ настоящее время существуютъ различные религіи: буддизмъ, браманизмъ, іудейство, христіанство, магометанство, конфуціанство и пр. Религіи эти расчленяются на множество сектъ, а эти послѣднія въ свою очередь распадаются на различные вѣтви. Но такъ же точно, какъ секты и ихъ вѣтви представляютъ собою только подраздѣленія главныхъ религій, такъ и эти послѣднія по существу не что иное, какъ раззвѣтленія единой религіи, религіи истины, которая ими управляетъ и ихъ въ себѣ заключаетъ. Въ различныхъ религіяхъ мы усматриваемъ

не больше какъ видоизмѣненія одной и той же единой истинной религіи, созданной временемъ и условіями. Если вы хотите обращать вниманіе на названія, вы будете ихъ считать до бесконечности; если же вы объедините всѣ религіи и возвыситесь до ихъ основы, то непремѣнно придетъ къ одной только истинной и живой религіи».

«Религію истины составляютъ гуманность и справедливость, и выше ея ничего нѣть. Всѣ отдельные секты, каково бы ни было ихъ название, отвѣчаютъ только отдельнымъ чувствамъ и личнымъ вкусамъ. Если буддизмъ сравниваютъ съ «моци» (пирожокъ изъ риса), а христіанство съ «сакэ» (рисовая водка), то представляется совершенно естественнымъ, что тѣ, кто любить моци, будутъ ихъ есть, а кто любить сакэ, будутъ его пить. Представляется совершенно естественнымъ и законнымъ, чтобы каждый слѣдовалъ своему личному вкусу. Но въ тоже время никоимъ образомъ недопустимо заставлять людей противъ ихъ воли есть то, что имъ совершенно не нравится. Говорить, напримѣръ, что если не вѣрить въ буддизмъ или не состоять христіаниномъ, то значитъ уже не быть членомъ,—грубая ошибка. Всѣ времена и повсюду были люди большой мудрости и высокой добродѣтели, хотя они не состояли ни буддистами, ни христіанами. Но наоборотъ, невозможно утверждать, что можно быть достойнымъ имени человека, игнорируя гуманность и справедливость. Гуманность и справедливость не подчиняются личнымъ вкусамъ, и здѣсь мы касаемся уже универсальной морали, того конечно пункта, къ которому тяготѣютъ всѣ религіи. Поэтому ошибочно говорять, что религіи выше нравственности, такъ какъ эта послѣдняя является вѣнцомъ и цѣлью всякой религіи, и вѣнѣ ея религія безполезна. Поэтому служители религіи, не соблюдающіе законовъ нравственности, сдѣлали бы лучше, если бы вовсе не говорили о религіи. Говоря это, я разумѣю особенно главныйши

буддійскія секты въ Японіи, внутренніе раздоры которыхъ уже съ давнихъ порь служатъ источникомъ безпрерывныхъ скандаловъ».

«Каждая страна можетъ создать для себя подъ вліяніемъ своей религіи особенную цивилизацію. Путемъ гармоничнаго слянія всѣхъ цивилизацій человѣчество получить когда-либо высшую и универсальную цивилизацію. Это будетъ однѣмъ изъ результатовъ настоящей русско-японской войны: возвысивъ престижъ желтой расы и Востока, она несомнѣнно приведетъ къ слиянію двухъ цивилизацій, восточной и западной, и къ царству въ мірѣ истинной религіи—универсальной морали».

Статья эта много обсуждалась въ японской прессѣ. Газета «Нихонъ» если и не подражала профессору Иноуэ въ его роли пророка, то во всякомъ случаѣ вторила ему въ его нападеніяхъ на православіе. По ея мнѣнію, «Россія, претендую на христіанство, имѣеть только вѣнѣнію его сторону. Оживляющій Россію духъ, пропылающійся въ ея религіи и нравахъ одинаково, всегда остается все тѣмъ же монголизмомъ, который европейская цивилизація только покрыла сверху легкимъ своимъ слоемъ, не измѣнѣвъ его сущности. Обращеніе народа въ христіанство, проведенное по приказу одного князя Владимира, не оказалось никакого вліянія на сердце націи. Почитавшіе раньше языческіе идолы были замѣнены только христіанскими иконами. Съ крестомъ на шей и четками въ рукахъ (?) русскій остается доселѣ тѣмъ же самымъ монголомъ, готовымъ на всякія варварскія дѣянія. Орды дикихъ казаковъ такъ же, какъ и населеніе изъ мужиковъ, состоявшее армию Царя, хранить въ своихъ жилахъ кровь своихъ предковъ-монголовъ и въ своихъ проявленіяхъ дикости только слѣдуютъ импульсу настѣнности».

Газета «Маници», во имя принциповъ протестантства, проводникомъ которыхъ она служитъ, видѣть въ религіозномъ строѣ Россіи причину ея запоздалости и отста-

лости въ прогрессѣ и различныхъ бѣствий, испытываемыхъ русскимъ народомъ. «Религія, всецѣло связанныя съ политикою, писала эта газета, сохранила свою деспотическую форму, которую дали ей ея прежнія сношенія съ Церковью римскою. Именно эта религіозно-политическая организація помѣщала Россіи воспользоваться, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ, великими теченіями и свободы, созданными реформаціею съ одной стороны и французскою революціею съ другой. Благодаря именно этому, подъ эгидою настоящаго Царя, лично склоннаго къ добродѣти и снисходительности, въ Россіи имѣютъ мѣсто такія проявленія несправедливости и религіозной ветерпимости, какъ недавно бывшія въ Финляндіи. Представитель царя въ Святѣшемъ Синодѣ убѣжденъ, какъ онъ заявилъ, что изъ всѣхъ націй Европы только одна Россія, благодаря ея сильной политico-религіозной организаціи, въ состояніи противостоять потоку тѣхъ вредныхъ идей, которыя угрожаютъ Западу разрушеніемъ. Благодаря этимъ чудовищнымъ предразсудкамъ, удерживается въ Россіи доселѣ религіозный деепотизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ существуетъ и источникъ всѣхъ тѣхъ бѣствий, которыхъ падаютъ теперь на русскій народъ».

Наряду со всѣми этими бесконечными нападками, въ которыхъ переплетались безсистемно выходки противъ русского народа, русского правительства, русской исторіи, православной Церкви вообще, православіе въ Россіи и православія въ Японіи, чрезвычайно пріятно засвидѣтельствовать ту корректность, которую обнаружило въ дѣлѣ отношенія къ православію въ Японіи Токіоское правительство. Министерство внутреннихъ дѣлъ для прекращенія всѣхъ тѣхъ враждебныхъ проявленій къ православнымъ японцамъ, которыя обнаруживались въ различныхъ пунктахъ страны, въ апрѣль 1904 года разослало слѣдующій циркуляр провинціальнымъ властямъ:

«Съ начала военныхъ дѣйствій между

Россією и Японією христіане православной Церкви сдѣлались предметомъ постоянныхъ преслѣдований. (Nichiro senso irai kakuchi ni oite seikyoha shinto no hakugai seraguru koto himpin ari). Министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ обойти молчаніемъ факты подобного рода и потому посыпаетъ мѣстными властямъ слѣдующій циркуляръ:

«Обнаруживающаяся ненависть къ православной Церкви въ настоящій моментъ враждебныхъ дѣйствій между Россією и Японіей, равно какъ и проявленія недоброжелательства противъ христіанъ этой Церкви и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ имѣютъ сношенія съ этими христіанами, не согласуются съ надлежащимъ поведеніемъ цивилизованной націи (bunmei no kokumin po kodo ni agazu). Даже во время войны позоръ подобныхъ поступковъ набрасывается тѣмъ на честь страны. Поэтому всѣмъ должностнымъ лицамъ, поставленнымъ для охраны порядка, надлежитъ дать соответствующія инструкціи и увѣщанія населенію, находящемуся подъ ихъ управлениемъ, и быть особенно строгими и бдительными. Иметъ надлежитъ употребить всю свою энергию въ примѣненіи къ охранѣ спокойствія христіанъ и ихъ друзей и дѣйствовать такъ, чтобы народъ въ своемъ поведеніи не разлучался съ достоинствомъ, присущимъ великой націи».

Съ другой стороны министръ внутреннихъ дѣлъ, послѣ свиданія съ г. Хонда ёици, членомъ евангелической лиги (Fukuin domeikwai), въ составѣ которой входитъ большая часть христіанскихъ протестантскихъ сектъ, отправилъ президенту этой лиги слѣдующую декларацию, прося сообщить ее членамъ всѣхъ различныхъ религіозныхъ обществъ, съ которыми лига находится въ сношеніяхъ:

«Съ началомъ военныхъ дѣйствій министерство внутреннихъ дѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдало за проявленіемъ чувствъ, которыхъ можетъ вызвать какъ наша страна, такъ и заграницею, различие расъ и религій воюющихъ сто-

ронъ. Оно приняло мѣры, чтобы эти проявленія чувствъ не вызывали безпорядковъ и столкновеній и не создавали бы неправильного представленія о взглядахъ правительства и націи.

«Всѣдѣствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ дало предписаніе префектуральнымъ властямъ о надлежащей охранѣ русскихъ подданныхъ, а министръ просвѣщенія послалъ по тому же вопросу специальну инструкцію различнымъ образовательнымъ учрежденіямъ. Министръ, узнавъ затѣмъ, что въ различныхъ округахъ империи имѣли мѣсто проявленія недоброжелательства по отношенію къ христіанамъ православной Церкви, глубоко сожалѣлъ объ этомъ. Признавая религію неотъемлемымъ элементомъ цивилизациіи, онъ полагаетъ также, что залогомъ хорошей политики служитъ предупрежденіе всякихъ разовыхъ столкновеній. Исходя изъ этихъ именно принциповъ, наше правительство во время японо-китайской войны, когда наша армія дошла до Ляо-дуна, удвоило бдительность, чтобы церкви, построенные французскими и англійскими миссіями, не потерпѣли ни малѣшаго поврежденія. Извѣстно, что бдительность эта увѣличалась въ свое время полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время, когда война ведется со страною христіанскою, правительство обращаетъ еще болѣе серьезное вниманіе на то, чтобы общественное мнѣніе, отбросивъ узкие взгляды и дурные чувства, приняло положеніе откровенно либеральное, и чтобы поведеніе японскаго народа на дѣлѣ было въполномъ согласіи съ императорскимъ указомъ, который объявляетъ, что «эта война не имѣть другой цѣли, кроме обезпеченія спокойствія имперіи и мира на Дальнемъ Востокѣ. Мы просимъ васъ сообщить это христіанскимъ обществамъ и миссіонерамъ, съ которыми вы находитесь въ сношеніяхъ».

Правительство, очевидно, опасалось проявленія недоброжелательства или преслѣдований православныхъ со стороны послѣдо-

вателей туземныхъ религій, а потому еще раньше приведенныхъ инструкцій, 19 февраля 1904 года тѣмъ же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ аналогичный по содержанію слѣдующій циркуляръ начальникамъ всѣхъ буддійскихъ и синтоистскихъ сектъ въ имперіи:

«Война объявлена. Въ此刻, когда всѣ граждане должны быть вѣрноподданными и добрыми слугами отечества, тѣ, на комъ лежитъ высшее управлѣніе религіозными дѣлами, обязаны возбудить ревность въ сердцахъ служителей культа, находящихся въ ихъ юрисдикціи, къ поощренію гражданъ къ исполненію ихъ обязанностей и отыскивать соответствующія для сего мѣры.

«Хотя дипломатическая сношенія съ Россіею и прерваны, но представляется яснымъ, что по отношенію къ отдельнымъ членамъ воюющей націи не должно быть никакого чувства ненависти и вражды, и особенно на почвѣ религіозной. Каково бы ни было различіе вѣрованій и сектъ, всѣ лица безъ исключенія должны трактоваться равноправно. Нѣтъ никакихъ основаній къ уклоненію отъ принциповъ терпимости, которые до сей поры проводились въ жизнь, и это особенно необходимо имѣть въ виду въ отношеніи къ религіозной пропагандѣ. Пусть всѣ служители культа обратятъ на это самое серьезное вниманіе. Тѣ же, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе и управлѣніе дѣлами, обязаны дать подчиненнымъ соотвѣтствующія указанія, чтобы на этой почвѣ не могло происходить никакихъ прискорбныхъ инцидентовъ». Подписано: «министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кацура».

Въ тотъ же день слѣдующее распоряженіе министерства было дано и чиновникамъ культа синтоистского, завѣдующимъ охраной національныхъ японскихъ храмовъ:

«Состоящіе на службѣ при отправлѣніи религіозныхъ обязанностей славнымъ божествамъ и завѣдующіе ихъ культомъ должны стараться съ исправленіемъ своихъ обязан-

ностей съ уваженіемъ и достоинствомъ, котораго эти обязанности требуютъ. Въ настоящій моментъ, когда война нашимъ великимъ государемъ объявлена, и когда его послы отправились въ храмъ Иса и въ различные другіе храмы имперіи, чтобы прочитать предъ божествами манифестъ объ объявлениіи войны, хранители храмовъ должны, согласуясь съ волею микадо, удвоить свою ревность въ отправленіи обязанностей, сократить излишніе расходы и въ чистотѣ совѣсти выполнять свои благородныя функции».

Эти циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ очень много комментировались японской прессою въ невыгодномъ для правительства и православія духѣ. Руссо-фобская «Нихонъ» писала, что инструкціи министерства далеко не служатъ къ чести бонъ и синтоистскихъ служителей, какъ и не находятся въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ страны. «Нужно ли напоминать о принципахъ терпимости по отношенію къ иностранцамъ? спрашивала «Нихонъ». Если существуютъ люди, которымъ нѣтъ необходимости говорить о подобныхъ вопросахъ, то это именно служители синтоистской и буддійской религій. То, что не слѣдуетъ отступать отъ правильнаго справедливости и доброго отношенія къ другимъ и что нужно остерегаться возбуждать недоразумѣнія во время войны такъ же, какъ и во время мира, это, кажется, такія азбученныя истины, что о нихъ едва ли нужно и говорить! Если служители двухъ культоръ, къ которымъ обращается инструкція, не въ состояніи понимать такихъ простыхъ истинъ, то они недостойны занимать вѣрренные имъ посты и ихъ нужно сейчасъ же уволить. Конечно, если существуетъ въ мірѣ народъ, полный религіозной терпимости и врагъ фанатизма, то это именно нашъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшую эпоху. События въ родѣ возмущенія Амакуса (возстаніе на почвѣ религіозной въ 1637—1638 гг., въ которомъ принимало участіе большое число христіанъ), относятся къ далекому

прошлому. Въ настоящее время (зависитъ ли это отъ индифферентизма къ вопросамъ религіи, мы не будемъ объ этомъ говорить) представляется совершенно удостовѣреніемъ фактъ, что мы не питаемъ никакихъ чувствъ антагонизма или вражды къ религіознымъ сектамъ, каковы бы онѣ ни были. Что русскій соберъ съ своимъ куполомъ доминируетъ надо всѣмъ Токіо, что онъ заставляетъ всѣхъ слушать свой безпокойный гвалтъ надъ головами, мы къ этому совершенно равнодушны. Поляки и финляндцы могутъ смотрѣть съ чувствомъ извѣстнаго недоброжелательства на русскія церкви, строящіяся въ ихъ земляхъ и знаменующія собою отнятіе ихъ территоріи. Относительно же себя, мы, смотря на Церковь Николая, отнюдь не получаемъ впечатлѣнія, будто мы тѣмъ связываемся съ службою Его Величеству Императору Все-рussийскому. Въ Европѣ много войнъ, даже новѣйшихъ, и въ особенности войны русско-турецкія могли имѣть, среди вызвавшихъ ихъ причинъ, побужденія религіозныя. Что же касается до нашего народа, то настоящая война такъ же, какъ и война съ Китаємъ, не имѣть ничего общаго съ мотивами и цѣлями этого рода. Поэтому инструкція ministra внутреннихъ дѣлъ представляется нѣсколько оскорбительно не для синтоистскихъ и буддійскихъ служителей только, но и для всего народа японскаго».

Другіе журналисты наоборотъ, находя циркуляры ministra по религіознымъ вопросамъ колкими, такъ какъ въ нихъ «даются уроки нравственности и добра го поведенія служителямъ Будды и синтоизма», выражали взгляды, что подобное предупрежденіе неизлишне. Опасенія ministерства, какъ бы нѣкоторыя лица не воспользовались войною, какъ предлогомъ и удобнымъ случаемъ для удовлетворенія своихъ не-пріязненныхъ чувствъ противъ иностраннныхъ религій, по ихъ мнѣнию, совсѣмъ не лишены основанія.

Послѣдній взглядъ, какъ кажется, болѣе подтверждался ходомъ событій религіозной

жизни Японіи за время войны, чѣмъ мнѣніе «Нихона», и представляется очевиднымъ, что министерство было совершенно право въ опредѣленіи чувствъ значительной группы лицъ, по крайней мѣрѣ, въ буддійской церкви. Въ послѣдней несомнѣнно существовало опредѣленное стремленіе перенести происходившую войну на почву религіозную и доказать, что отъ исхода войны зависитъ и самая судьба буддизма въ Японіи. Въ этомъ отношеніи въ имперіи обнаружилась рѣзкая разница между дѣйствіями высшихъ властей буддизма, находившихъ несомнѣнно подъ вліяніемъ взглядовъ правительства, и практикою народною.

Такъ, глава самой обширной секты буддизма, Ниси Хонганзи, разославъ своимъ 30.000 храмамъ и семи миллионамъ подчиненнымъ ему вѣрующімъ энцикліку, въ которой совершенно въ духѣ ministerского циркуляра убѣждалъ ихъ проявлять энергію и самоутверженіе въ исполненіи своего долга, въ связи съ войною.

«Конечно, писалъ онъ, предпріятіе это превышаетъ личные силы отдѣльного человѣка и потому необходимо просить помощи Аміда (буддійское божество, особенно почитаемое въ сектахъ Синсою и Монтосою) и при его поддержкѣ безъ колебаній и опасеній исполнять свой долгъ. Для вѣрующихъ, нашедшихъ въ вѣрѣ непоколебимую силу и ненарушимый миръ, смерть въ бою представляется столь же легкою, какъ перо птицы. Что же касается до тѣхъ, кто не занимаетъ мѣста въ рядахъ сражающихся, то они обязаны путемъ материальныхъ приношеній и содѣйствіемъ всякаго рода въ отношеніи солдатъ трудиться изъ всѣхъ силъ во славу нашего оружія и для возвеличенія отечества».

Глава секты Оотани-ха (Хигаси-Хонганзи) разославъ своимъ вѣрующимъ аналогичное воззвание.

Наряду съ этими существовалъ однако цѣлый рядъ фактовъ и противоположнаго характера, которыхъ именно правительство и опасалось. Такъ, напримѣръ, на буддій-

скомъ митингѣ въ одной изъ подъ-префектуръ главный начальникъ секты Ниси-Хонганзи, чтобы болѣе возбудить ревность вѣрующихъ къ борьбѣ со врагомъ, убѣждалъ ихъ смотрѣть на войну съ Россіей, какъ на чисто-религіозную, заключающую въ себѣ решеніе вопроса о жизни и смерти для самого буддизма.

«Настоящая война, говорилъ онъ, имѣть важная послѣдствія не только для страны, но и для буддизма. Если страна падетъ, буддизмъ падеть вмѣстѣ съ нею. Исторія показываетъ намъ, что магометане, занявъ Индію, разрушили буддизмъ. По развалинамъ храмовъ съ трудомъ можно признать слѣды античнаго буддизма въ странѣ, и съ грустью приходится думать, что не упадокъ вѣры у послѣдователей буддизма создалъ эти развалины благородныхъ зданій, а произвѣло ихъ желѣзо завоевателей. Жители не могли противостоять завоевателямъ, и вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ свободы исчезла и религія. Въ Китаѣ также повсюду, куда проникали магометане, какъ побѣдители, буддизмъ мало-по малу пересталъ существовать. Такимъ же образомъ и настоящая война съ Россіей, въ случаѣ побѣды послѣдней, будетъ имѣть аналогичная послѣдствія. Петръ Великій въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ православную Церковь государственную религію Россіи и хотѣлъ при содѣйствіи этой религіи объединить подъ своею юрисдикціею цѣлый міръ. Въ настоящее время процвѣтаніе этой религіи связано съ благочестіемъ русскихъ въ отношеніи къ ихъ Богу и выражается въ безчисленномъ множествѣ церквей, покрывающихъ русскую территорію. Нетерпимость и религіозная ненависть русскихъ къ другимъ сектамъ, религіямъ и исповѣданіямъ создавала войны съ Турциею и недавнія избиенія въ Кипшиневѣ. Съ другой стороны, политика русскаго правительства заключается въ томъ, чтобы въ Россіи не было другихъ религій, кроме Церкви православной. Поэтому, если только мы позволимъ побѣдѣ перейти въ русскія руки и если

мы окажемся вынужденными согнуться подъ русскимъ игомъ, нашимъ храмамъ придется конецъ. Отъ побѣды или пораженія въ этой войнѣ зависитъ жизнь или смерть самой нашей религіи, и потому вѣрующіе на полѣ браніи должны сражаться не только за родину, но и за вѣру»...

Другіе журнальныя статьи и мнѣнія еще сильнѣе приведенного стремились перевести войну на религіозную почву, а потому правительству пришлось принять въ этомъ направлениі даже и активныя мѣры.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ преосвященный Николай оказался въ Японіи въ очень тяжеломъ положеніи. Въ моментъ, когда открытие военныхъ дѣйствій было неизбѣжнымъ, представлялось вопросомъ, долженъ ли онъ быть сѣтаться, какъ паstryръ, среди своего стада, или же возвратиться въ Россію и провести тамъ время войны? Представители его Церкви на собраніи 7 февраля н. ст. 1904 года единогласно просили епископа, жизнь котораго принадлежала православной Церкви въ Японіи, оставаться съ ними и увѣрили его, что они съ своей стороны сдѣлаютъ все возможное, чтобы ни онъ, ни Церковь не пострадали во время войны. Епископъ, горячо поблагодаривъ ихъ, высказалъ въ отвѣтной рѣчи, что онъ уже самъ принялъ предѣтъ Богомъ рѣшеніе оставаться въ Японіи и не въ посольствѣ, а на томъ же мѣстѣ, вблизи собора и что онъ вѣрится ихъ преданности по отношеніи къ нему самому и ко всему тому, что касается интересовъ христіанства, такъ же какъ и благосклонному покровительству японскихъ властей, защитниковъ собора и собственности православной Церкви въ Японіи противъ всѣхъ нападеній. Онъ прибавилъ: «Я надѣюсь, что объявление военныхъ дѣйствій не принесетъ съ собою никакой перемѣны въ дѣятельности нашей Церкви. Катехизаторы будутъ продолжать проповѣдывать Евангеліе Спасителя, ученики—посѣщать школу миссій, а я самъ отдаамся всепѣло переводу нашихъ

богослужебныхъ книгъ съ своимъ помощникомъ Накай.—Разъ война объявлена, вать долгъ заключается въ томъ, чтобы молиться о побѣдѣ Японіи, вы должны приносить благодаренія Господу при всякомъ извѣстіи объ японской побѣдѣ. Этотъ долгъ православная Церковь налагаетъ на всѣхъ вѣрующихъ въ каждой отдѣльной странѣ. Нашъ Учитель Иисусъ учить насть патріотизму и вѣрности родинѣ. Христосъ Самъ проливалъ слезы о судьбѣ Иерусалима: въ этомъ случаѣ Онъ далъ доказательства Своего патріотизма, и мы должны идти по стопамъ Учителя.

«Сегодня по обычаю я служу въ соборѣ, но отнынѣ впредь я уже не буду принимать болѣе участія въ общественныхъ богослуженіяхъ нашей Церкви. Это не потому, что для меня будетъ опасно показываться въ соборѣ, но доселѣ я молился за процвѣтаніе и миръ японской имперіи. Нынѣ же, разъ война объявлена между Японіей и мою родиной, я, какъ русскій подданный, не могу молиться за побѣду Японіи надъ моимъ собственнымъ Отечествомъ. Я также имѣю обязательства къ своей родинѣ, и именно поэтому буду счастливъ видѣть, что вы исполняете долгъ въ отношеніи къ своей странѣ. Въ силу именно этого, на сколько дѣло касается меня лично, я не могу принимать въ это время участія въ общественномъ богослуженіи японской Церкви».

Эту свою рѣчь, произнесенную въ Токіо, архіепископъ Николай подтвердилъ потомъ официаельно всей Церкви слѣдующимъ документомъ:

«Окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ христіанамъ для успокоенія Церкви, встревоженной объявлениемъ войны Японіи съ Россіей».

«Благочестивымъ христіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Возлюбленные о Господи братія и сестры!

Господу угодно было допустить разрывъ между Россіею и Японіей. Да будетъ Его святая воля. Будемъ вѣрить, что это допущено для благихъ цѣлей и приведетъ къ благо-

му концу, потому что воля Божія всегда благая и премудрая.

Итакъ, братія и сестры, исполните все, что требуетъ отъ васъ въ этихъ обстоятельствахъ долгъ вѣрноподданныхъ. Молите Бога, чтобы Онъ даровалъ побѣду вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованныя побѣды, жертвуйте на военные нужды; кому придется идти въ сраженія, не щадя своей жизни, сражайтесь не изъ ненависти къ врагу, а изъ любви къ вашимъ соотечесвичамъ, помня слова Спасителя: «вѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоаннъ 15, 3). Словомъ, дѣлайте все, что требуетъ отъ васъ любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству есть святое чувство. Спаситель освятилъ это чувство Своимъ примѣромъ: изъ любви къ Своему земному отечеству Онъ плакаль о бѣдственной участи Иерусалима (Лук. 19, 41).

Но кромѣ земного отечества у насть есть еще отечество небесное. Къ нему принадлежать люди безъ различія народностей, потому что всѣ люди одинаково дѣти Отца Небеснаго и братя между собою. Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дѣти Отца небеснаго, дѣйствительно, составляютъ одну семью. Поэтому то я не разлучаюсь съ вами, братія и сестры, и остаюсь въ вашей семье, какъ въ своей семье. И будемъ исполнять вмѣстѣ нашъ долгъ относительно нашего небеснаго отечества, какой кому надлежитъ. Я буду, какъ всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными дѣлами, переводить Богослуженіе; вы, священники, усердно пасите порученное вамъ отъ Бога словесное ваше стадо; вы, проповѣдники, ревностно проповѣдуйте Евангеліе еще не познавшимъ истиннаго Бога, Отца Небеснаго; всѣ христіане, мирно ли живущіе дома или идущіе на войну, возрастайте и утверждайтесь въ вѣрѣ и преуспѣвайте во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Всѣ же вмѣстѣ будемъ горячо

молиться, чтобы Господь поскорѣе возстановилъ нарушенный миръ. Да поможетъ намъ во всемъ этомъ Самъ Господь.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь.

Великой Японіи православной Церкви епископъ *Николай*.

24 января—11 февраля 1904 г.

Вдумываясь въ положеніе православныхъ японцевъ и архіепископа Николая, создавшееся съ объявлениемъ русско-японской войны, мы не можемъ не признать его въ высшей степени затруднительнымъ и тяжелымъ. И православные японцы и архіепископъ оказались въ томъ положеніи, которое въ доктринѣ нравственной философіи называется *collisio officiorum*, т. е. столкновеніе двухъ видовъ нравственныхъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ это были: для православныхъ японцевъ долгъ по отношенію къ родинѣ, совершенно естественное чувство патріотизма, и долгъ религіозный, чувство естественного дружелюбного отношенія къ Россіи, отъ которой они получили свою вѣру. Молодой Церкви было такъ легко уклониться въ ту или другую сторону и сдѣлать ошибочный шагъ. Уклониться въ сторону патріотизма значило войти въ столкновеніе съ совѣстью, требовавшою мира съ учителями исповѣдываемой религіи. Отдать излишнее уваженіе послѣднимъ—значило навлечь на себя подозрѣніе соотечественниковъ въ излишнихъ симпатіяхъ къ враждебной къ родинѣ странѣ.

Положеніе архіепископа было еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ ему надлежало, во-первыхъ, дать указанія о разрѣшеніи вопроса о столкновеніи нравственныхъ обязанностей своей паствы, во-вторыхъ, разрѣшить аналогичный же вопросъ и для самаго себя. У него же лично столкновеніе обязанностей выразилось нѣсколько иначе. Представлялось два вопроса: во-первыхъ, долженъ ли онъ благословлять свою

паству на войну съ Россіей, его родиной, въ чемъ проявилось столкновеніе обязанностей въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи къ родинѣ. Онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ, какъ ему приказывалъ епископскій долгъ руководителя паствы, т. е. въ строгомъ соотвѣтствіи съ Евангеліемъ. Второю коллизіей былъ вопросъ—оставаться ли ему въ Японіи и такимъ образомъ навлечь на себя подозрѣніе русскихъ въ томъ, что настолько «объяпонился», что даже захотѣлъ родину, или же бросить свою паству въ самое опасное для нея время, когда существуютъ постоянныя возможности отпаденія отъ православія и уничтоженія враждебно настроеннымъ народомъ самой миссіи. Этотъ послѣдній вопросъ архіепископъ разрѣшилъ въ первомъ смыслѣ, не смотря на то, что подвергалъ жизнь свою явной опасности.

По общему признанію японцевъ, православная миссія и соборъ уцѣлили во времена войны единственно благодаря тому, что счастье въ войнѣ оказалось всецѣло на ихъ сторонѣ. Такъ думало и японское правительство, ибо съ самого начала военныхъ дѣйствій оно назначило въ миссію сильную военную охрану, остававшуюся тамъ въ теченіи всей войны. Когда же японский транспортъ былъпущенъ ко дну русскими крейсерами и въ Токіо начались по этому поводу волненія, то на дворѣ миссіи и въ прилегающемъ къ ней районѣ было поставлено свыше роты солдатъ. Архіепископъ и самъ хорошо сознавалъ угрожающую ему опасность, ибо, распушская соборъ духовенства въ 1904 году, онъ сказалъ такъ:

«Любезные собратія! Прощаюсь нынѣ съ вами, я не могу удержать нѣкоторое особенное движение чувства, и потому говорю вамъ отъ глубины сердца и прошу и васъ принять мое слово къ сердцу. Надѣюсь, что мы увидимся и въ будущемъ году, какъ обычно, въ такое же время. Но можемъ ли мы съ увѣренностью сказать это? Видите, какъ охраниютъ это ме-

сто и меня съ нимъ? Значить, есть опасность. Будемъ уповать, что такая тщательная охрана не останется тщетною и что Ангелъ Божій покроетъ своимъ крыломъ и защититъ отъ бѣдъ миссю. Но на всякий случай примите мое прощальное слово, какъ завѣщаніе, которое, впрочемъ, если буду живъ, не перестану говорить вамъ при каждомъ свиданіи.

Такимъ образомъ архіепископъ Николай при разрѣшении во время войны затрудненія поступилъ какъ подобаетъ истинному христіанину, не остановившись передъ страхомъ людской молвы, безъ боязни, что скажеть о немъ въ той и другой странѣ общественное мнѣніе и теперь, когда мы можемъ смотрѣть на его поступокъ какъ на прошлый, мы ясно видимъ, что онъ поступилъ правильно, что онъ спасъ отношенія русской и японской православныхъ Церквей, совершенно снялъ съ японской православной Церкви всякия подозрѣнія въ политическихъ интригахъ въ пользу Россіи, доказалъ свою собственную непричастность къ политикѣ и разъ на всегда установилъ возможность полного взаимного довѣрія между Японіей и Россіей.

Нечего и говорить, на сколько тяжело было личное положеніе архіепископа во время русско-японской войны. Онъ рассказывалъ, что совсѣмъ не читалъ газетъ, полныхъ ликованиемъ побѣдителей и издѣвателствами надъ Россіей, не могъ ни съ кѣмъ говорить о томъ, что его интересовало всего болѣе, долженъ быть прекрасить всякую переписку съ Россіей и жить душою въ полнѣшемъ одиночествѣ, только занимаясь дѣлами. Онъ отдавалъ однако всегда справедливость японцамъ и ихъ такту во время войны. Въ своей рѣчи при прекращеніи дѣятельности общества духовнаго утѣшения военнонѣмѣнныхъ 18-го февраля 1906 года онъ сказалъ членамъ этого общества слѣдующее:

«Благодарю васъ лично отъ себя, прошу вмѣстѣ съ симъ принять мою благодарность и всѣхъ окружающихъ меня братій

и сестеръ. Господня воля совершаются въ побѣдахъ и пораженіяхъ,—это мы, какъ христіане, ясно знаемъ и этому твердо вѣруемъ. Вы радовались во время побѣдъ, дарованныхъ вами Господомъ, и не могли не радоваться; но ни разу никто изъ васъ не отягчилъ моей печали обнаружениемъ предо мной своей радости и торжества. Мы каждый день были вмѣстѣ, дѣлая общее дѣло, но, будучи вмѣстѣ, мы не были я—русскій, а вы—японцы, а были братья и сестры во Христѣ, дѣти одного Отца Небеснаго. При началѣ войны вы желали, чтобы я остался съ вами, и обѣщались беречь меня,—и вы блестательно исполнили свое обѣданіе, вы сберегли меня не только физически, но и нравственно, за что я особенно благодаренъ вамъ. Это всегда глубоко трогало меня, и на всю остальную жизнь мою останется для меня дорогимъ утѣшительнымъ воспоминаніемъ изъ этого неутѣшительного для меня времени».

Не смотря на такія неблагопріятныя условія, архіепископъ не оставлялъ и своихъ обычныхъ трудовъ наставленія вѣрующіхъ, выясненія ихъ отношеній къ Россіи и защиты православной Церкви отъ ссыпавшихся на нее нападеній. Этой цѣли имъ было посвящено несколько посланій къ христіанамъ, изъ которыхъ одно я считаю нужнымъ здѣсь привести для характеристики этого рода работы почившаго владыки.

Второе окружное письмо епископа къ японскимъ православнымъ христіанамъ, по слухамъ войны.

«Благочестивымъ христіанамъ святой православной Церкви великой Японіи.

Воздобленные о Господѣ братія и сестры! Въ отвѣтъ на мое письмо отъ 11-го февраля я получилъ почти изъ всѣхъ церквей выраженіе радости о томъ, что я на время войны остался въ Японіи. Этотъ привѣтъ моихъ христіанъ въ свою очередь радуетъ меня, такъ какъ показываетъ, что

моя любовь къ нимъ не остается безъ отвѣта. Это служить мнѣ лучшою наградою

за мои посильные труды для дѣла Божія здѣсь.

Во многихъ письмахъ я встрѣтилъ выраженія, что какъ ни печальна война сама по себѣ, но для православной Церкви она будетъ полезна тѣмъ, что исправитъ неправильная понятія объ отношеніи японскихъ православныхъ христіанъ къ Россіи. И я вполнѣ увѣренъ въ этомъ: война несомнѣнно принесетъ это благо. Какія это неправильные понятія? О васъ говорятъ, будто вы, какъ православные, зависимы отъ русского Императора, который будто бы есть глава православной Церкви, и потому заподозрѣваетъ вашу искренность въ служеніи вашему собственному Императору и вашей странѣ. Какое ложное понятіе о православной Церкви! И какое страшное подозрѣніе основано на этой лжи! Русский Император отнюдь не есть глава Церкви. Единственный глава Церкви есть Иисусъ Христосъ (Ефес. 1, 22; Колос. 1, 18); ученіе Котораго тщательно хранить въ цѣлости православная Церковь,—и русский Император въ соблюденіи сего ученія есть такой же почитительный сынъ Церкви, какъ и всѣ другіе православные христіане. Нигдѣ и никогда Церковь не усвоила ему никакой власти въ ученіи и не считала и не называла его своимъ главою. Это заблужденіе образовалось на западѣ Европы отъ незнанія русской Церкви, и оттуда перешло въ Японію, и здѣсь нынѣ, такъ же какъ и тамъ, широко распространено. Если основаніе ложно, то тѣмъ болѣе должно построенное на немъ. Если русский Император не есть глава Церкви для русскихъ, то тѣмъ менѣе онъ есть глава Церкви для васъ. Для васъ онъ есть не болѣе, какъ братъ по вѣрѣ, такъ же какъ и всѣ русские единовѣрные вами. Надъ вами русский Император не имѣть ни тѣни какой-либо религиозной власти; между вами и вашимъ императоромъ онъ отнюдь не становится, и вашей вѣрности отечеству вашему ни на волосъ не мѣшаетъ. Какъ

вашъ братъ по вѣрѣ, русскій Императоръ, конечно, только желаетъ, чтобы вы были хорошими христіанами, усердно исполняющими всѣ христіанскія обязанности, а въ томъ числѣ и блюденіе вашей вѣрности и преданности вашей родной странѣ и вашему императору. Эти истины вы съ самого начала, когда сдѣлались христіанами, и всегда потомъ знали, и ничего несогласнаго съ ними никогда не слыхали отъ вашихъ катехизаторовъ и священниковъ, такъ какъ и они въ свою очередь иначе ничего не слышали отъ своихъ наставниковъ и не видѣли въ учебникахъ Догматики и Каноники и ни въ какихъ другихъ книгахъ, когда воспитывались для своей службы въ миссійскихъ училищахъ. Но не знающіе и не хотящіе знать православнаго ученія не знаютъ и этихъ истинъ и потому думаютъ и говорятъ о васъ совершенно противное. Сколько мы говорили и писали противъ этого заблужденія. Сколько книжекъ издали для уясненія истины. Но всѣ усилия наши были—точно попытки голою рукою разбить твердую скалу.

И вотъ, наконецъ, пришло время рухнуть этой скалѣ и разлетѣться въ прахъ. Началась война съ Россіей,—и православные усердно молятся о дарованіи побѣды своему Императору, съ одушевленіемъ провожаютъ своихъ воиновъ на войну, вполнѣ увѣренные, что они будутъ геройски защищать свое отечество противъ непріятеля; воины съ энтузіазмомъ идутъ, испросивъ благословеніе и молитву у своихъ священниковъ, чтобы Богъ помогъ имъ безусловно исполнить свой долгъ относительно отечества; православная семинарія составляетъ и жертвує своему родному воинству десятки тысячъ экземпляровъ японско-русскихъ разговоровъ, для напечатанія которыхъ всѣ воспитанники принесли свои лепты; православная женская школа отдѣляется изъ своего состава наставница для благотворительнаго служенія раненымъ воинамъ; всѣ православные христіане по всей Японіи съ радостью жер-

твуютъ, кто сколько можетъ, на военные нужды отечества или на содержание семействъ воиновъ. Не ясно ли какъ день, что православіе не только не вредить патротическому служенію своему отечеству, а, напротивъ, возвышаетъ, освящаетъ и тѣмъ усиливаетъ его? Если кто, видя все это со стороны православныхъ, станетъ еще говорить о нихъ что-нибудь неподобное, то придется только съ сожалѣніемъ сказать, что кто упорно противится истинѣ, того нѣть средствъ убѣдить. Но думаю, что немногого найдется такихъ, а что вообще откроютъ глаза на православіе и посмотрятъ на него дружелюбно всѣ тѣ, кто до сихъ поръ не имѣлъ возможности убѣдиться въ неприкосновенности его къ взводимымъ на него обвиненіямъ.

Итакъ, возлюбленные братья и сестры, стойте твердо въ вѣрѣ и продолжайте въ эти трудные дни служить вашему отечеству всѣмъ, кто чѣмъ можетъ; продолжайте неуклонно исполнять и всѣ другія христіанскія обязанности, чтобы чрезъ васъ святилось имя Божіе и возводилась хвала Отцу нашему Небесному; продолжайте также молиться, чтобы Богъ сократилъ бѣдствіе войны и скорѣe послалъ опять миръ намъ.

Благословеніе Божіе да будетъ со всѣми вами, и да возсияетъ скоро свѣтъ истиннаго Христова Евангелія во всемъ вашемъ отечествѣ. Аминь.

Великой Японской православной Церкви епископъ Николай».

29 февраля—13 марта 1904 г.

Говоря о времени русско японской войны, немыслимо обойти молчаніемъ дѣятельность архіепископа Николая по отношенію къ организаціи духовнаго утѣшения русскихъ военнооплѣнныхъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что онъ былъ ихъ ангеломъ-хранителемъ, и многіе офицеры и солдаты, съ которыми мы приходилось видѣться, не могли безъ слезъ вспоминать объ архіепископѣ. Никто изъ нихъ

никогда и не думалъ, попавъ въ Японію, имѣть возможность слышать церковную службу, видѣть священниковъ, получать таинства. Архіепископъ сосредоточилъ на военнооплѣнныхъ всю свою любовь и съ истинно-отцовской заботливостью и нѣжностью старался смягчать для нихъ тяжесть плѣна и неволи. Вотъ нѣкоторыя проявленія дѣятельности православной духовной миссіи въ отношеніи къ военнооплѣннымъ.

Въ 1904 году для удовлетворенія духовныхъ нуждъ русскихъ въ Японіи архіепископомъ Николаемъ были назначены три молодыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ священника, знающихъ русскій языкъ.

Священникъ церкви въ Осака, Сергій Сузуки, съ мая мѣсяца былъ поселенъ въ городѣ Мацуяма для служенія у военнооплѣнныхъ въ этомъ городѣ и въ Маругамѣ; священникъ церкви въ Маэбаси, Павелъ Морита, съ іюля поселенъ въ Химези для военнооплѣнныхъ въ этомъ городѣ и въ Фукуціама; священникъ церкви въ Кіото, Симеонъ Міі, съ октября каждая двѣ недѣли, по предписанію епископа, посѣщалъ для Богослуженій военнооплѣнныхъ въ Нагоѣ и Сизуока. Въ началѣ 1905 г., съ переводомъ военнооплѣнныхъ изъ Портъ-Артура въ Японію, священникъ Симеонъ Міі сталъ служить, кроме того, у поселеній въ Тенгасая, близъ Осака. Для другихъ же мѣстъ, гдѣ были поселены военнооплѣнныи изъ Портъ-Артура, архіепископъ командировалъ еще двухъ священниковъ, знающихъ русскій языкъ: священникъ Алексѣй Савабэ изъ Токіо былъ переведенъ къ военнооплѣннымъ въ Хамадѣ, также близъ Осака; священникъ Андрей Мэтоки изъ Хакодатѣ отправленъ на о. Кююсу, служить у поселеній въ городахъ Даира и Фукуока.

Отправляя священниковъ для служенія у военнооплѣнныхъ, архіепископъ снабжалъ ихъ священными сосудами, облаченіями, славянскими богослужебными книгами и всѣмъ потребнымъ для совершенія Бого-

служеній, въ молитвенныхъ же мѣста посыпалъ св. иконы въ кіотахъ. Всѣ помѣщенія военнооплѣнныхъ также были снабжены архіепископомъ иконами.

Для чтенія военнооплѣнныхъ архіепископъ Николай разослали, въ 1904 году, изъ запасной библіотеки миссіи 2211 религіозныхъ книгъ, 5072 религіозныхъ брошюры, 1127 научныхъ и разнаго свѣтскаго содержанія книгъ и брошюръ.

Словомъ, съ самаго начала появленія въ Японіи русскихъ военнооплѣнныхъ, архіепископъ Николай вмѣнилъ себѣ въ обязанность дѣлать для нихъ все, что позволяли его средства и силы, и неуклонно исполнялъ это.

Независимо отъ этого японскіе православные христіане учредили между собою «Общество духовнаго утѣшения военнооплѣнныхъ», собирали пожертвованія и употребляли ихъ на помощь миссіи въ содержаніи священниковъ у военнооплѣнныхъ, на подарки военнооплѣннымъ и на посѣщеніе ихъ для духовнаго утѣшения.

Въ 1905 году дѣятельность православной миссіи въ отношеніи военнооплѣнныхъ еще болѣе усилилась.

17 священниковъ и 6 діаконовъ почти весь годъ были исключительно священнослужителями для русскихъ военнооплѣнныхъ, число которыхъ, послѣ Сахалинскихъ пораженій, превысило 73 тысячи; даже катехизаторы тѣхъ городовъ, гдѣ жили военнооплѣнныи, были отвлечены отъ своего прямого дѣла необходимостью такъ или иначе служить военнооплѣннымъ. «И нужно сказать при этомъ, писалъ позднѣе архіепископъ Николай, что никто изъ насъ здѣсь нимало не сѣтовалъ на это временное уменьшеніе силъ для служенія японской Церкви. Напротивъ, священнослужители съ великою радостью шли служить духовнымъ нуждамъ русскихъ братій; мѣстные христіане также со всею готовностью отпускали ихъ на это служеніе и сами, гдѣ представлялась возможность, старались въ свою очередь, чѣмъ и какъ могли, слу-

жить военнооплѣннымъ. Словомъ, всѣ въ совокупности христіане наши, безъ всякихъ постороннихъ виновній, сочли своею обязанностью дѣлать все, для нихъ возможное, къ облегченію участія военнооплѣнныхъ, сами выражая, что этимъ они желаютъ хоть нѣсколько заплатить свой долгъ благодарности за попеченіе своей Матери—русской Церкви здѣсь, что всѣ безъ исключенія священнослужители наши съ честью совершили свое служеніе, своимъ усердіемъ, добросовѣстностью и любовнымъ отношеніемъ къ военнооплѣннымъ приобрѣли и съ ихъ стороны непріторную любовь иуваженіе; объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ подпіски русскихъ на иконы или облаченія въ подарокъ своимъ священникамъ; объ этомъ еще болѣе свидѣтельствуетъ множество полученныхъ мною отъ военнооплѣнныхъ писемъ, въ которыхъ они благодарятъ за присылку священниковъ, хвалятъ ихъ усердіе, просить наградъ для нихъ. Нельзя умолчать, что и обратно какъ священнослужители, такъ и всѣ христіане наши немалую духовную пользу пріобрѣли отъ военнооплѣнныхъ. Послѣдніе, какъ природные христіане, сами не заботясь о томъ, показали на себѣ примѣръ новымъ христіанамъ, каковъ долженъ быть христіанинъ въ своемъ отношеніи къ Богу и въ своемъ поведеніи. Священники, по отпуску военнооплѣнныхъ, возвращались къ своимъ мѣстамъ, полные трогательныхъ воспоминаній и рассказовъ о томъ, какъ набожны русскіе христіане, какъ усердны къ церковной службѣ, съ какимъ благоговѣніемъ приступаютъ къ св. таинствамъ, какъ какимъ самоотверженіемъ жертвуютъ на церковь и на нужды ближнихъ и т. п. Этотъ запасъ воююю видѣнія благочестія и добрыхъ христіанскихъ дѣлъ, будемъ надѣяться, надолго послужить источникомъ наученія для новыхъ христіанъ и немало передѣТЬ въ жизнь ихъ».

Русско-японской войною Промыселъ, казалось, закончилъ тѣ тяжелыя испытанія, которыя онъ налагалъ на архіепископа Ни-

колая. По заключеніи Портсмутскаго договора отношенія русскихъ къ Японіи радикально перемѣнились. Обнаружилось прежде всего давно жданное архіепископомъ стремленіе Россіи къ изученію Японіи, хотя и не въ томъ масштабѣ, который онъ считалъ нужнымъ для Россіи, но все же на иныхъ, сравнительно съ прежнимъ, основахъ. Деятельность владыки, проведшаго, какъ добрый кормчій, свою Церковь черезъ налетѣвшую бурю цѣлою и неповрежденную, и много потрудившагося для русскихъ военнооплѣнныхъ, была оцѣнена, и преосвященному Николаю былъ пожалованъ сань архіепископа, что придало бодрости и всей японской Церкви. Въ Россіи начали обосновываться общества для изученія Востока и Японіи, которыя впервые признали заслуги архіепископа какъ ученаго въ области японовѣдѣнія и стали избирать его своимъ почетнымъ членомъ. Первымъ изъ такихъ обществъ было Императорское Общество Востоковѣдѣнія. Далѣе архіепископу

пришлось еще примѣнять свой педагогическій опытъ къ оборудованію школы японскаго языка для русскихъ дѣтей, присланыхъ изъ восточной Сибири, и онъ имѣлъ уже утѣшеніе видѣть нѣсколько человѣкъ изъ своихъ питомцевъ работающими въ Россіи на почвѣ японо-русскихъ отношеній. Вся та небольшая группа лицъ изъ русскихъ, которая явилась въ Токіо послѣ войны для изученія японскаго языка, поддерживала дружескія отношенія съ архіепископомъ, и можно было видѣть, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія онъ распространялъ на всѣхъ такихъ лицъ свѣтъ приобрѣтенныхъ имъ огромныхъ знаній по японологии, подъ лучами котораго согрѣвались и возрастали эти новыя силы. Наконецъ онъ дождался и того, чего ждалъ такъ долго: къ нему пріѣхалъ помощникъ,

преосвященный Сергій, который предался изученію японскаго языка, совершилъ уже нѣсколько поѣздокъ по Японіи и доставилъ преосвященному Николаю наслажденіе слушать свою японскую проповѣдь. Словомъ, исполнилось желаніе преосвященнаго Николая, о которомъ онъ писалъ еще въ 1903 году такимъ образомъ:

«Я, 68-лѣтній старикъ, доживаю послѣднее время моей жизни, посвящая его, кромѣ общаго завѣданія церковными дѣлами, переводу Богослуженія, и давно уже пора подумать о замѣстителѣ меня здѣсь. Для юной японской Церкви будетъ весьма неполезно, если, послѣ моей смерти, или въ случаѣ тяжкой болѣзни, станетъ завѣдывать ею не человѣкъ, достаточно воспитавшійся здѣсь для того, а внезапно присланный, не знающій ни языка ея, ни исторіи, ни характера людей, составляющихъ ее, ни обычаевъ страны. Итакъ, тѣмъ настоятельнѣе нужда не медлить назначеніемъ сюда благонадежнаго миссіонера».

Единственною заботою до самыхъ послѣднихъ минутъ архіепископа оставалась мысль о неоконченномъ переводе Библіи. Уже на смертномъ одрѣ, находясь въ госпиталѣ Св. Луки въ Цукизи, онъ вызывалъ къ себѣ Накай-санъ и пытался продолжать свою работу, и потомъ, перевезенный, по собственному настоянию, изъ госпиталя назадъ въ духовную миссію, онъ еще разъ порывался заняться переводомъ, но сильь больше не было...

Въ этихъ послѣднихъ попыткахъ работы, какъ и во всей жизни архіепископа, мы должны видѣть оставленный имъ намъ заѣтъ постояннаго труда на почвѣ религіознаго просвѣщенія Японіи и сближенія двухъ странъ во славу православной Церкви и Россіи.